

ТАТЬЯНА Устинова

— первая среди лучших —

Мой генерал

Татьяна Устинова

Мой генерал

«ЭКСМО»

2002

Устинова Т. В.

Мой генерал / Т. В. Устинова — «Эксмо», 2002

Молодая московская профессорша Марина приезжает на отдых в санаторий на Волге. Она мечтает о приключении, может, детективном, на худой конец, романтическом. И получает все в первый же день в одном флаконе. Ветер унес ее шляпу на пруд, и, вытаскивая ее, Марина увидела в воде утопленника. Милиция сочла это несчастным случаем. Но Марина уверена – это убийство. Она заметила одну странную деталь... Но вот с кем поделиться? Она рассказывает свою тайну Федору Тучкову, которого поначалу сочла кретином, а уже на следующий день он стал ее напарником. Назревает курортный роман, чему она изо всех профессорских сил сопротивляется. Но тут гибнет еще один отдыхающий, который что-то знал об утопленнике. Марине ничего не остается, как опять довериться Тучкову, тем более что выяснилось: он – профессионал...

© Устинова Т. В., 2002

© Эксмо, 2002

Татьяна Витальевна Устинова

Мой генерал

От любопытства кошка сдохла!
П. Трэверс, «Мэри Поппинс»

– Простите, пожалуйста, – раздалось прямо у нее над головой, – вы не видели где-нибудь здесь... кошку?

Марина открыла глаза.

Прямо перед ней был желтый песок, а за песком серый пруд, блестящий сальным блеском. Шурясь, она некоторое время изучала колышущийся блеск, а потом снова смежила веки. Господи, приснится же такая ерунда!..

– ...не видели? Кошку? – повторил голос с надеждой.

Она подскочила на нагретой лавочке так, что нелепая шляпа из итальянской соломки съехала ей на нос.

– Что?! Какая кошка?! Где кошка?!

– Не знаю, – признался бестелесный голос, – какая-нибудь кошка. Любая. Не видели?

Марина стремительно задрала глупую шляпу, села прямо и посмотрела сначала налево, а потом направо.

Слева были заросли каких-то ломких и длинных стеблей, уходивших в темную воду. В глубине стеблей на берегу голубела еще одна лавочка – пустая.

Справа рос камыш, за ним находился газон, потом асфальт, а дальше сетка теннисного корта – довольно далеко.

Не иначе, как она перегрелась. Вот оно, коварное солнце средней полосы.

– Я ее угостить хотел, – вновь донесся голос. Теперь он звучал виновато. – А найти не могу... Вы не видели?

Господи боже мой!

Оказалось, что он стоит прямо перед ней. Марина уставилась на нелепейшую, чудовищную пестроцветную гавайскую рубаху. Кажется, под ней скрывалось сытенское круглое брюшко.

– Я вас разбудил, – внезапно догадался обладатель брюшка и сказочной рубахи, – простите. Я думал, может, вы видели где-нибудь кошку.

– Какую еще кошку? – раздраженно пробормотала Марина. Ни рубаха с цветами, ни тем более круглое брюшко не вызывали у нее никаких положительных эмоций.

– Обыкновенную. В домах отдыха, знаете ли, всегда живут кошки. Их тут подкармливают, и они живут.

– Ну и что?

– Ничего, – смешавшись, сказал «гаваец», – я хотел ее угостить. Я вот... рыбки наловил.

И в доказательство, что действительно наловил, потряс у нее перед носом пластмассовым детским ведрком, в котором плюхала вода и что-то шевелилось.

Марине немедленно показалось, что в воздухе невыносимо завоняло рыбой.

– Послушайте, – начала она, отпихивая рукой ведрок, – никаких кошек я не видела. По-моему, ловить этих несчастных мальков – дикость и варварство.

– Разве? – усомнился он. – А по-моему, ничего. Я же не глушу их динамитом.

На это поразительное замечание Марина ничего не ответила, отвернулась и зашарила в сумке, давая понять собеседнику, что аудиенция окончена.

Однако настырный «гаваец» все не отставал.

– А в корпусе, – с надеждой спросил он, – не видели?

– Что?

– Кошку.

Сигареты нашлись, а зажигалка никак не попадалась. В руку лезли темные очки, кошелек, холодный тюбик с кремом, пачка салфеток, а зажигалка как сквозь землю провалилась! Марина достала очки, быстро нацепила их на нос – как будто загородилась и от брюшка, и от рубахи.

– Что вы ищете? – заинтересованно спросил брюхастый.

Марина покосилась на ведро с рыбой:

– Зажигалку.

– Позвольте вам предложить.

Он, черт возьми, еще и галантен!..

– Предложите, – мрачно согласилась Марина.

Тут он почему-то сказал:

– Предлагаю. – И перед носом у нее оказалась пластмассовая желтая зажигалка с болтающейся внутри бесцветной жидкостью. Из зажигалки с шипением выметнулось пламя – вполне достаточное, чтобы вскипятить немного кофе.

Марина отшатнулась – ей показалось, что она отчетливо слышит запах паленой шерсти, своей собственной.

– Простите, – забормотал «гаваец» и суетливо задул огонь, – эти дурацкие зажигалки, никогда не знаешь, чего от них ждать...

И даже лоб вытер от неловкости. Марина смотрела на него с отвращением. С незажженной сигаретой во рту она чувствовала себя идиоткой.

Галантный гавайский мужчина покрутил пластмассовое чудо так и сяк, почиркал колесиком, добился устойчивого пламени подходящего размера и сунул к Марининой сигарете.

Она прикурила и отвернулась.

Он все не уходил, топтался, в ведре плюхали страдалыцы-мальки.

Тут она заподозрила неладное.

...Или он вознамерился, не сходя с этого места, завести с ней романтическое знакомство на все двенадцать отпускных дней?! Если так, она пропала!.. И отдых пропал, и долгожданное одиночество, и вообще все, все пропало!

И, словно подтверждая ее мысли, галантный мужчина предложил искательным тоном:

– Давайте познакомимся? Меня зовут...

– Да не станем мы знакомиться! – вспыхнула Марина. – Зачем нам знакомиться-то?!

Тут он неожиданно засмеялся – искренне и с удовольствием, как ей показалось.

– Так принято, – объяснил он и вдруг пристроился со своим ведром на лавочку рядом с ней. – Вы не знали? Когда незнакомые люди встречаются и разговаривают друг с другом, принято представляться. Меня зовут...

– Послушайте, – перебила его Марина и потянула к себе свою сумку, – я не хочу знакомиться и не хочу никому представляться. Я очень устала, и кроме того...

– Где все-таки мне найти кошку? – задумчиво спросил он сам у себя, не дослушав ее излияний. – Может, на кухне спросить? Прошу прощения...

Тут он поднялся, слегка поклонился в Маринину сторону – вежливый! – посмотрел в свое ведро и пошел направо, туда, где был газон и виднелась сетка теннисного корта.

– Придурок!.. – пробормотала Марина, задетая тем, что он не стал настаивать на «романтическом знакомстве» и предпочел отправиться на поиски кошки.

Или ему на самом деле нужна была кошка, а вовсе не она, Марина? И еще эта идиотская шляпа из итальянской соломки, которую мама зачем-то водрузила ей на голову и все караулила, чтобы дочь не скинула ее потихоньку! Шляпа никуда не помещалась, запихнуть ее в чемодан можно было, только сломав пополам, и Марина всю дорогу маялась, пристраивала шляпу то

туда, то сюда, то еще куда-нибудь, забывала, вспоминала, возвращалась, хватала, напяливала на голову, несла под мышкой, размещала на полке, ловила, держала и так далее.

Должно быть, в этой шляпе она выглядит просто сногшибательно – Фаина Раневская, кинофильм «Подкидыш».

«Гаваец» и тот убежал. Впрочем, «гавайца» она сама прогнала, этим можно утешаться и отчасти гордиться.

Она и гордится – разве затем она впервые за пять лет пошла в отпуск, чтобы с бухты-барухты под ракитовым кустом заводить никому не нужные знакомства с придурками в немислимых рубахах?!

У нее номер «люкс», банка кофе, чемодан книг и любимая кружка в отдельном мешочке – что еще нужно старой холостячке, чтобы отлично провести давно заслуженный отпуск?!

Ничего. Больше не нужно ничего.

Только если... может быть... или нет... Приключение, вот что нужно!

Только не в смысле галантного расписного мужчины с пластмассовой зажигалкой и детским ведерком – такие «приключения» ей и даром не нужны. А «настоящее приключение» – чтобы произошло какое-нибудь ужасное событие, и она, Марина, оказалась бы в центре, эпицентре или черт знает где, в общем, поблизости, и чтобы зловещие тени сгущались на горизонте, а дом отдыха завалило бы снегом – даром что июль! – совсем как в пьесе Джона Б. Пристли «Чисто английское убийство», а телефонная связь оборвалась, а под подушкой старшей горничной обнаружился бы странный пузырек темного стекла – горничная, конечно, уверяет, что это снотворное, но это подозрительно похоже на цианистый калий или мышьяк... да, пусть будет мышьяк – хорошее, глубоко «преступное» слово! – и чтоб полицейский капитан оказался поблизости, загорелый, самоуверенный, дьявольски умный, циничный, наблюдательный, острый, тонкий, мужественный и с пистолетом, засунутым за ремень выцветших и потертых джинсов – почему выцветшие и потертые джинсы считаются самой лучшей одеждой для главных героев?!

Марина захохотала во все горло, так что из куста выпорхнула какая-то птица, чирикнула и перелетела на ту сторону заросшего прудика.

Хохотать во все горло, сидя в одиночестве на лавочке, было неприлично, и она быстро зыркнула по сторонам – не видит ли кто, как уважаемая Марина Евгеньевна Корсунская себя ведет.

Никто не видел, хотя слева, в зарослях, на голубой скамейке уже восседала какая-то парочка. Размечтавшись о своем «приключении», Марина не заметила, когда парочка забралась в кусты. Впрочем, восседала девица, а молодой человек возлежал головой у нее на коленях и дурашливо щекотал девицын животик. Девица взвизгивала, молодой человек похихатывал, все как положено.

Господи, какая смертная, непробиваемая, тупая скука, эти парочки с их пощекочиваниями, поглаживаниями, похрюкиваниями и взвизгами!

Как все это одинаково, пошло, глупо и, главное, кончается всегда одинаково – никчемное сосуществование, желание плюнуть в ненавистную рожу любимого или любимой, романы в конторе, романы на пляже, романы на даче, романы в доме отдыха, начинающиеся с кошки и пластмассового ведра, и «ты отравила мне всю жизнь!», и «слезь с дивана, придурок!», и никогда с нежной гордостью – «наш сын похож на тебя!».

Домашний ежедневный ад собственного сочинения, и так до самой могилы, за которой уж откроется настоящий, так сказать, общественный ад.

Говорят, что он вечный. Очень может быть.

Марина решительно водрузила на голову идиотскую шляпу – поля немедленно задрались, и пришлось двумя руками отгибать их вниз, – потянула сумку и постояла в нерешительности.

До ужина было еще далеко, солнышко пригревало, и не хотелось тащиться в свой «люкс», хоть там и кофе, и кружка, и книжка...

Под жидкими мостками, выдававшимися далеко в пруд, взволнованно квакали жирными голосами жабы – у них тоже в разгаре были «пощекочивания и поглаживания», – и Марина решила, что в отпуске она станет «юным натуралистом», будет вести наблюдение за жизнью жаб и лягушек. А почему нет?

На мостках сильно пахло тиной и рыбой, вода была черной, в глубине коричневой, но не мутной – видно, как со дна поднимаются и колыхнутся водоросли. Некоторые дотягивались до поверхности, и в длинных травяных космах неподвижно сидели блестящие пучеглазые жабы, только шевелились их распластанные задние лапы.

Фу, гадость какая. Пожалуй, не станет она наблюдать за их жизнью.

Водомерки скользили по темной, как будто лакированной, воде, а в глубине, под жабами, ходили шустрые рыбки, настоящие рыбки, а вовсе не какие-то недоразвитые мальки.

И все равно, нечего их ловить!

Под мостками плюхала и переваливалась вода. Бесстрашная птичка порхнула на краешек и настороженно заскакала все ближе и ближе к Марине.

Может, ей наблюдать за птичками, а не за жабами? За птичками все же как-то приятнее.

Невесть откуда взявшийся теплый ветер взметнул подол длинного летнего платья а-ля «рюсс пейзаж», и пока Марина ловила и держала подол, подхватил проклятую шляпу, вывернул поля и...

Мама не переживет, мрачно думала Марина, глядя на свой головной убор, который романтически покачивался на водной глади примерно метрах в двух от мостков. Она притащила эту красотищу аж из самой Италии, а дочь не уберегла.

Однако не лезть же за ней... к жабам, которые настороженно смолкли, очевидно до глубины души пораженные размерами и красотой вновь прибывшего конкурента. Жабам было невдомек, что это итальянская соломка, «хэнд мейд» и все такое, а вовсе не самец-рекордсмен.

Интересно, соломка, хоть бы и итальянская, тонет, когда основательно намокнет? И как быстро она намокнет основательно?

Перепугав птичку, которую она вознамерилась было наблюдать, Марина вихрем промчалась по мосткам, выскочила на песок и полезла в кусты, искать подходящую палку.

Парочка на скамейке примолкла, как давешние жабы.

Палка нашлась. Она была очень длинной и какой-то слишком раскидистой и ветвистой, и тащить до воды ее пришлось волоком. В воде она стала еще тяжелее, и Марина, допытываясь до края мостков, едва смогла приподнять ее и попыталась подгрести к себе чертову шляпу. Шляпа не давалась, итальянские поля колыхались в воде, и дело продвигалось очень медленно.

– Эй, дамочка! – крикнули с берега. – Вы ее подцепляйте, подцепляйте, а то она у вас сейчас потонет!

Марина дернула плечом.

– Подошел бы и помог, – под нос себе пробормотала она. – Подцепляйте!..

Наконец шляпа приблизилась настолько, что до нее можно было дотянуться, и Марина выволокла на мостки все свои ветки и сучья – не бросать же в пруду полдерева! – оперлась рукой, нагнулась, вытянулась и добыла шляпу!

С романтических полей текла пахнущая тиной вода. Шелковая подкладка отливала зеленью. К атласной ленте уже прилепился крошечный круглый слизняк. Марина скovyрнула его ногтем и потрясла сооружение, стряхивая воду.

Почему она не была твердой и непреклонной и позволила матери навязать ей эту шляпу?! Вот никогда ей не удастся быть твердой и непреклонной, как она ни старается, а потом из-за своей мягкотелости она попадает во всякого рода переделки!

Тут ей показалось, что вместе со шляпой с середины пруда подтянулось к мосткам что-то еще – там колыхалось нечто большое и... малопонятное.

Марина посмотрела. Действительно, что-то есть.

Она даже с сожалением оглянулась на свою палку, но орудовать ею снова не решилась, уверенная, что на этот раз палка непременно утащит ее в темную воду.

Держа шляпу на отлете, в вытянутой руке, Марина опять присела на корточки, зажав коленями юбку а-ля «рюсс пейзаж», вытянула шею и посмотрела в заросшую коричневой травой глубину.

Что-то такое там было, довольно большое.

Солнце мешало ей смотреть, и она приставила ладонь козырьком ко лбу. Блики остались по ту сторону козырька, а по эту оказалось как будто круглое темное окошко.

Из этого окошка, из-под темной воды прямо ей в лицо смотрел человек. Она видела только лицо – белое и волосы – темные.

Она даже не поняла, что он мертвый, только удивилась, зачем он забрался в лягушачий пруд, да еще лежит в глубине с открытыми глазами!

Волосы неторопливо колыхались вокруг головы вместе с травой, которая тоже колыхалась, наплывали на лицо, и тут Марина поняла, что это труп.

Там, в глубине, почти под мостками, лежит мертвое человеческое тело.

Она подалась назад, стиснула в кулаке шляпу. В груди и еще, кажется, в животе стало холодно, как будто она наглоталась снегом.

– Тише, – зачем-то сказала она себе и швырнула шляпу на мостки. Оперлась обеими руками о доски и снова заглянула в пруд.

Он был там, внизу.

Снег залепил горло.

Марина оглянулась и позвала громко, очень громко:

– Молодой человек!

В кустах завопили, потом притихли.

– Вы... меня?

– Здесь труп, – так же громко и отчетливо выговорила Марина. – Вам, наверное, лучше сходить за помощью.

Опять возня, а потом отчетливое хихиканье.

– Тру-уп? – игриво переспросили из кустов. – Лягушки или карася?

Снег в горле быстро превращался в лед. Она не разрешала себе смотреть, боялась, что упадет в обморок, или забьется в истерике, или сделает еще что-нибудь неприлично-дамское, но почему-то очень тянуло посмотреть. Перебирая руками, она заставила себя отодвинуться от края мостков, отвернуться, потому что ее пугало это желание, и тут со стороны кустов подошел весельчак, решившись все-таки глянуть на полоумную тетку – Марину – и на то, что ей там такое померещилось.

Следом за ним гарцевала девица, то и дело откидывая назад длинные пряди, как пить дать вымытые шампунем «Лореаль» – ведь я этого достойна».

То есть она достойна, девица.

– Вам бы лучше в теньке посидеть, – начал весельчак издали. Мостки заходили под его весом. – А то солнечный удар может хватить! Вот бабка моя всегда в огород платок повязывает и кофту с длинным рукавом надевает, потому что, когда в возрасте, человек не может...

Он наступил на ее шляпу, деловито нагнулся, поддевая сзади джинсы, которые сползали, открывая полоску незагорелой кожи, а чуть пониже цветастую резинку наивно-семейных трусов.

– Ну чего там, Вадик? – страстным от любопытства голосом спросила девица и тоже ступила на мостки. – Чего там, а?

- Не ходите сюда, – приказала ей Марина сквозь лед в горле, – там подождите!
- Чего это я буду ждать? – оскорбилась девица. – Я что, права не имею?

Тут ее приятель вдруг оглушительно ахнул, взвизгнул почти, замахал рукой, сделал кенгуриный прыжок назад, чуть не упал и побежал – мостки затряслись.

- Вадик!
- Стойте! – крикнула Марина.
- Я... сейчас... я до корпуса... я... приведу кого-нибудь...
- Вадик, ты чего?!

Но Вадик уже пропал из виду.

- Завтра же уеду в Москву! Завтра же! Надо было вчера уехать, но вчера...
- Да что уезжать-то! Глупость какая! Сколько их пьет, а потом в пруды падает!
- Нет, вы не скажите, Валентина Васильна! Инцидент довольно неприятный. Неприятный, неприятный инцидент-с!

– Какой еще падет! Выдумывают всяко! Цадет! А он, бедный, перебрал малость, может, на бережку, а потом пошел, может, умыться, да и нырнул, стало быть!.. Упокой, господи...

- Да что вы причитаете!
- Положено так, за покойником сказать – упокой, мол, господи...
- Ах, да перестаньте вы, ну сколько можно, Оленька и так ничего не ест, а тут еще!..

Оленька, ну хоть салатик!

- Не хочу я, мама!
- Ну вот видите! И так каждый день! Геннадий Иванович, вы бы на нее повлияли!
- Оля, мама права, надо поесть.
- Боже мой, еда – это такая скука!
- А вас не вызывали, Генрих Янович?
- Куда, простите?..
- Ну, когда милиция-то приезжала?
- Нет-с, не вызывали. По-моему, только Марину Евгеньевну вызывали, да еще Вадима Петровича. Верно, Марина Евгеньевна?

И тут все взгляды обратились на Марину, которая пыталась съесть рыбный салат и все никак не могла. Салат в горло не лез.

- Верно, Марина Евгеньевна?
- А?

Оторвавшись от салата, Марина обнаружила, что все молчат и ждут, как будто она уже стоит на сцене и готовится запеть, а зрители готовы внимать.

Бабуся Логвинова вся была как вопросительный знак, слегка подрагивающий от любопытства. Валентина Васильна со смешной фамилией Зуб, чавкая, жевала картошку и издавала кивала Марине, поощряя ее к рассказу. Генрих Янович смотрел участливо, его внучка Вероника, наоборот, безучастно и одновременно с некой тоской во взоре, как бы внутренне сокрушаясь, как это ее занесло в компанию таких питекантропов. Юля и Сережа, свежие, подтянутые, в одинаковых майках, жизнерадостно жевали салат – они приехали отдыхать и отдыхали на полную катушку. Элеонора Яковлевна незаметно подпихивала к дочкиному локтю тарелку с запеканкой. Дочь запеканки не замечала. Возле нее на столе горела свеча – в белый день и жару! Возле нее всегда горела свеча, отгоняла «злых духов». Давешний «гаваец», скинувший свою пестроцветную рубашу и облачившийся в не менее чудовищный спортивный костюм, смотрел на Марину из-за стакана с железнодорожным подстаканником и тоже как будто чего-то ждал.

Марина струсила.

- Я ничего не знаю, – пробормотала она, – а что такое?
- Про покойника-то? – усомнилась бабуся Логвинова. – Разве не знаешь? Ты ж его нашла!

- Да перестаньте вы! Оленька и так ничего не ест!
- Салат очень вкусный, – почти в один голос воскликнули Юля и Сережа, и отодвинули от себя пустые тарелки, и придвинули полные – синхронно.
- Оленька, посмотри, как надо кушать! Посмотри, посмотри, как все тут хорошо кушают! Сорокалетняя Оленька капризно тряхнула сорокалетними кудрями.
- Ах, мама, отстань! Еда – это так скучно!
- Мы живем не для того, чтобы есть, – произнес Геннадий Иванович с затаенной улыбкой, – но все же есть для того, чтобы жить, надо!
- Мне, чтобы жить, надо не много, – прошептала Оленька, – совсем не много.
- Вегетарианство – лучший способ сохранить здоровье, – провозгласил Сережа, уписывая морковное пюре.
- Самый безопасный! – поддержала Юля, налегая на картофельное.
- Да про труп-то что тебе сказали? Милиция-то? – облизав губы, громко спросила Валентина Васильна у Марины. Нежная Оленька вздрогнула и умоляюще посмотрела на мать, Элеонору Яковлевну.
- Он за Юлькой ухаживать пытался, – сказал Сережа сквозь пюре то ли с гордостью, то ли с отвращением, – этот труп ваш. Никакого покоя не давал. Я его бить собирался, – добавил он горделиво.
- Оленька прикрыла глаза – от ужаса, разумеется.
- Делал неприличные намеки, – сообщила Юля, тоже с гордостью. – Приглашал в «люкс», который на ремонте. Между прочим, «люкс» на ремонте, а никакого ремонта там нет! Все какие-то комбинации проворачивают! Интересно, администрация в курсе?
- Давайте лучше про погоду, – быстро предложил бывший «гаваец», переквалифицировавшийся в спортсмена. – Как вы думаете, жара еще постоит?
- Жара – это ужасно, – прошептала Оленька, вздрогнув плечами, укутанными в шаль. Шепот и вздрагивания явно имели отношение к Геннадию Ивановичу. – Верно, мама?
- Я буквально задыхаюсь, – поддержала ее мать.
- А я люблю жару и никогда не задыхаюсь, – объявила профессорская внучка Вероника и усмехнулась злорадно. – Дед, пойдем завтра после завтрака в теннис играть.
- Ты же не хотела, – удивился дед, – передумала?
- Передумала.
- Поучите меня, Вероника, – попросил Геннадий Иванович интимно, – мне так хочется научиться играть в теннис!
- Шикарный спорт, – моментально согласилась Вероника, и дед Генрих Янович взглянул на нее подозрительно, – а у вас ракетка есть?
- Ну-у, – протянул Геннадий Иванович, – возьму в прокате.
- Вероника надкусила яблоко и с хрустом начала жевать.
- А что там дают? «Принс», «Хэд», «Данлоп», «Юнекс», «Фелкль»?
- Геннадий Иванович моргнул. Оленька с матерью переглянулись.
- У меня «Хэд», – подал голос миролюбивый «гаваец», – могу предложить. Хотите?
- Геннадию Ивановичу предложите, – перевела стрелки злобная Вероника, – у меня свой «Хэд».
- Геннадий Иванович, я могу вам предложить...
- Да мне, собственно, все равно, если Вероника согласна меня учить.
- Да на что он вам, этот теннис! – досадливо воскликнула Оленькина мама и захлебнула досаду теплым компотом, оставшимся от полдника. – Все прям, как дураки, кинулись в этот теннис играть!..
- Бег – вот лучшее средство, – провозгласила Юля.

– Легкая атлетика – королева спорта! – поддержал ее Сережа, и они синхронно размешали в железнодорожных стаканах принесенный с собой заменитель сахара.

Марина еще чуть-чуть раскопала салат и поднялась.

– Приятного аппетита, – кисло сказала она, – до завтра.

Бабуся Логвинова деловито заглянула в ее тарелку:

– И эта ничего не поела! Уморить себя решили!

Оленька повыше подтянула шаль.

– Я не хочу. Еда – это так... глупо.

И скучно и глупо, подумала Марина желчно.

Ну почему считается, что женщина, которая ничего не ест, гораздо интереснее женщины, которая ест все? Кто это придумал?

Ей хотелось есть – она не ужинала вовсе не потому, что «скучно и глупо», а из-за аллергии на рыбу. Сейчас поешь, а утром с ног до головы покроешься красными пятнами!

Хорошо, что в номере у нее банка с кофе, любимая кружка, длинная-предлинная палка сухой колбасы и три пакета хрустящих хлебцев. Да, и еще роман!

– В десять часов танцы, – напомнил Геннадий Иванович, и Вероника опять усмехнулась, – приходите, Марина! Это своеобразный клуб. Можно пообщаться, поговорить, покурить... Жизнь здесь слишком размеренная, от нее быстро устаешь.

– Спасибо, Геннадий Иванович, – поблагодарила Марина. Вот только танцев ей не хватало!

Марина выбралась из-за стола, чувствуя, что все, не только соседи, но и прочие отдыхающие, рассматривают ее с истовым любопытством, перестают есть, вытягивают шеи, шепчут друг другу в уши, кивают в ее сторону и показывают глазами.

Еще бы, ведь это она нашла... труп!

Труп нашла, а «приключения» из этого не вышло. Не вышло никакого «приключения», и не выйдет! Жалость какая.

Усатый милиционер, приехавший на «газике», ее почти ни о чем не спрашивал. Она сама рассказала, как подлая шляпа слетела с головы, как она стала ее вылавливать, нагнулась и... и увидела.

– Перепугались? – спросил милиционер равнодушно.

Марина пожала плечами:

– Не особенно. Неприятно, конечно...

«Приключения» не вышло, и главный герой, циничный, остроумный и загорелый полицейский капитан с пушкой за ремнем, в выцветших и потертых джинсах, тоже никак не вырисовывался. Не тянул усатый милиционер на главного героя!

Труп оказался не криминальный – все правильно понимала бабуся Логвинова.

Выпил лишнего, сел на мостках, задремал, да и свалился – так как-то получалось.

Длинными санаторными коридорами, застланными ковровыми дорожками – красная середина, зеленая кайма, – Марина добралась до высоких двойных ореховых дверей, вышла на вечернее солнце, пристроилась на лавочку с гнутой садовой спинкой и закурила.

Очень хотелось есть, и она с удовольствием думала о сухой колбасе и банке с кофе. Нужно завтра сходить в ближайший магазинчик, купить йогуртов, сыру и серого деревенского хлеба, наверняка здесь есть.

Ореховая дверь открылась и закрылась. Кто-то вышел и пристроился на ту же лавочку, но с другой стороны.

Откуда-то взялась толстая пыльная кошка, посмотрела на Марину вопросительно, зачем-то лизнула лапу и стала тереться о Маринины светлые брюки, оставляя на них клоки шерсти.

– Ты что? – спросила у нее Марина и стала отряхивать шерсть. – Разве не видишь, у меня ничего нет! Бедная, бедная, голодная киса!

– Не верьте ей, – посоветовали с другого конца лавочки, – она не бедная и не голодная. Марина посмотрела вбок и обнаружила неподалеку спортивные штаны непередаваемо-павлиньей расцветки.

– Бедная и голодная. – Она погладила пыльную кошачью башку и снова неодобрительно покосилась на штаны.

– Я только что скормил ей остатки рыбы. Я сегодня, знаете ли, опять ловил.

– Ловить мальков в луже – гнусно.

– Я же не глушу их динамитом.

После чего они уставились друг на друга. Кошка вопросительно мяукнула, не понимая, почему Марина перестала ее гладить.

– Здравсте, – неожиданно поздоровался тип в цветастых штанах.

– Добрый вечер, – с ходу откликнулась привыкшая быть вежливой Марина.

– Вы только меня не перебивайте, – быстро сказал он, – меня зовут Федор Федорович Тучков. Можно просто Федор. Я из Москвы. А вы Марина, да?

– А почему я не должна вас перебивать?

– Потому что я никак не могу сказать вам, как меня зовут, вы все время перебиваете.

– А зачем мне знать, как вас зовут?

Он вздохнул, полез в карман и достал сигареты.

– Так принято, – подумав, объяснил он, – мы с вами отдыхаем в одном санатории и даже сидим за одним столом, так что нам придется как-то называть друг друга.

– Вряд ли нам придется как-то друг друга называть, – отчеканила Марина, – зачем?

Очень уж он ей не нравился, с его брюшком, гавайской рубашкой, цветастыми штанами и сладкой улыбкой на круглой физиономии. Ей-богу, Геннадий Иванович, будущая звезда теннисного спорта, и то лучше!

– Я вас... раздражаю? – смиренно спросил Федор Федорович Тучков.

– Раздражаете, – призналась Марина.

– Почему?

Не могла же она сказать про рубашку и брюшко!

– Не знаю. Я не люблю никаких курортных знакомств.

– Ну, на курорте никаких знакомств, кроме курортных, быть не может.

– Я никаких не хочу.

– Тогда вам надо было ехать на заимку.

– Куда?!

– В тайгу, – сказал он равнодушно, – на заимку. Лес, а в лесу избушка – это заимка и есть. Или вы сибирских писателей не читали – Астафьева, Липатова?

Марина смотрела на него во все глаза. Он курил, кошка терлась о его штанину, поглядывала вопросительно.

– Завтра, – пообещал Федор Федорович кошке, – завтра опять наловим. Ты полведра рыбы съела, хватит, совесть надо иметь!

Ореховая высоченная дверь отлетела, бахнулась в штукатурку, и на площадку выскочила мятежная профессорская внучка Вероника – шорты, маечка, кепочка козырьком назад, темные очки, и на плече стильный до невозможности чехол с ракетками. Выскочила, уронила ключи, засмеялась, завертелась, нагнулась и толкнула попкой Марину.

Та неодобрительно подвинулась на лавочке.

– Федор, не желаете ли партию? – дурашливо спросила Вероника. – Дед сказал, что не пойдет. И курить, между прочим, вредно. Минздрав давно предупреждает!

– Какая еще партия! – перепугался Федор Федорович. – Что вы, Вероника! После сытного ужина я только и могу, что греть на солнце свои старые кости!

Вероника закинула за спину чехол и поставила на лавочку безупречную ногу в безупречной кроссовке. Загорелое, упругое, аппетитное и черт знает какое бедро оказалось прямо под носом у Федора Тучкова.

– За ужином вы ничего не ели, не врете. Пили чай и больше ничего.

– Точно, – признался Федор, косясь на бедро, – экая вы наблюдательная молодая особа!

– Что за жаргон! Вы что, учитель русской словесности?

– Вот и нет! – глупо захихикав, сказал испытуемый бедром Федор Тучков. – Вот и не угадали!

Из-за этого глупейшего хихиканья, а также из-за того, что он моментально пошел туда, куда манила его Вероника, подобно всем известному бычку на веревочке, Марина прониклась к нему еще большим презрением и отвращением, если только это было возможно.

– А кто?

– Чиновник, – покаялся Федор, – чиновник в министерстве.

– Коррумпированный?

– Э-э... боюсь, что нет.

– Тогда что с вас взять, – заключила Вероника, сняла ногу с лавочки и пристроилась рядом с Мариной, обдав ее запахом вкусных духов.

– Давайте, – приказала она, – рассказывайте.

Марина молча смотрела на нее, но профессорскую внучку было не так-то просто сбить с толку.

– Что вы смотрите? – спросила она и окинула себя взглядом. – У меня что, ширинка расстегнута? Или лифчик выпал? Федор, посмотрите, сзади у меня все в порядке? Лифчик не волочится?

Федор хрюкнул и с некоторой заминкой сообщил, что сзади у нее все в порядке.

– Ну тогда рассказывайте!

– Что?

– Как что?! Про труп рассказывайте!

– О господи, – выговорила Марина, стряхнула пепел с сигареты и поднялась. – Я должна идти. Спокойной ночи.

Но она даже предположить не могла, *насколько* трудно сбить с толку профессорскую внучку!

– Никакой спокойной ночи! Сначала вы нам расскажете про труп, а потом будет спокойная ночь! Мы вас не отпустим! Правда, Федор? Не отпустим же?

И тут она цепкой лапкой ухватила Марину за брюки. Кошка мяукнула вопросительно.

Марина усмехнулась и шагнула прочь, но нахальная девчонка не отпускала брюки.

– Отпустите.

– Ни за что.

– Вы что? – спросила Марина. – Сумасшедшая?

– Я не сумасшедшая, – весело сказала нахалка, – я любопытная.

Нужно было или вырывать брюки, которые и так неприлично сползли там, где за них уцепилась когтистая лапка, или покориться.

Покоряться на глазах у Федора Федоровича Тучкова, которому она только-только объяснила, что знать его не желает и разговаривать с ним не станет, ей не хотелось.

Вырваться на глазах у него же ей хотелось еще меньше.

– Отпустите, – повторила Марина и независимо поддернула сползающие штаны.

– Отпущу, если расскажете.

– Нечего рассказывать.

– Тогда не отпущу.

И Вероника засмеялась, открыв безупречные зубы.

Федор Федорович отчетливо и коротко хмыкнул и вытащил еще одну сигарету.

Из ореховых дверей выползла незнакомая бабулька с пакетиком, неодобрительно помачала рукой, разгоняя дым, и позвала нежно:

– Кыс-кыс-кыс!

Кошка мяукнула, вскочила на лавку, прошлась по коленям Федора Тучкова и брякнулась под ноги бабульке.

Та стала активно вываливать из пакета неаппетитное месиво из рыбы и мяса. Кошка совалась, нюхала и брезгливо дергала усами. Месиво ей явно не нравилось.

Марина неожиданно обнаружила, что они – все трое – тоже брезгливо морщатся, как эта кошка.

– Пошли отсюда, – перехватив ее взгляд, сказала Вероника и непринужденно дернула за руку Федора Федоровича, – пошли, пошли!

– Кысенька, – приговаривала бабулька, – кушай, кысенька! Что же ты не кушаешь?

– Ее сейчас вырвет, – предсказала Вероника, – пошли быстрее, я на это смотреть не хочу!.. Пошли скорее!

– Куда?

– Господи, ну туда, где вы будете рассказывать про труп!

Вероника поднялась – Федор Тучков проводил скорбным взглядом аппетитную попку – и резво побежала в сторону от ореховых дверей, бабульки и кошки.

– Вы идете?!

– Надо идти, – озабоченно проговорил бывший «гаваец», – надо идти.

Марина тотчас же поднялась и пошла – ясное дело! – в сторону, противоположную той, куда поскакала резвая барышня.

– А вы куда?! – прокричала успевшая отбежать довольно далеко Вероника. За ней поспешал Федор Федорович. – А впрочем, какая разница! Давайте туда!

В одно мгновение она оказалась рядом с Мариной, схватила ее повыше локтя, потащила, поднажала, повернула и вырулила к лавочке, притулившейся за голубой елкой.

– Ну вот, – сказала Вероника и кинула на газон свой шикарный чехол, – очень замечательное место. Уединенное, и покурить можно.

Она проворно достала пачку и заявила Марине:

– Меня с куревом дед гоняет. А вас кто гоняет?

– Меня никто не гоняет. Я уже взрослая девочка.

– Господи, дед меня будет гонять за курево, даже когда мне стукнет шестьдесят! Он все равно будет жить вечно, так что отвязаться от него нет никакой надежды. А вам разве уже шестьдесят? И у вас нет деда?

– Вероника, – сказал, неторопливо выходя из-за елочки, Федор Тучков, – ну что вы такое говорите! Вы ведь уже не маленькая, а несете... черт знает что.

– И не черт, и не знает, и не что, – выстрелила Вероника и отправила в рот тоненькую сигаретку, – и я хочу узнать про труп. Рассказывайте!

И тут Марина засмеялась – такая настырная оказалась девица!

– Значит, так, – начала она, – я сидела на мостках, ветер унес мою шляпу. У меня есть чудная шляпа из итальянской соломки. Я стала ее выуживать и под водой увидела... увидела...

Внезапно ей стало тошно, как будто она снова увидела в коричневой воде колыхание травы и медленное движение волос вокруг белого расплывающегося пятна. Самое худшее, что это было не просто пятно, а мертвое человеческое лицо – с открытыми глазами, с черным провалом рта, из которого полилась вода, когда мужики стали поднимать тело. Рубашка облепила здоровенные руки, и джинсы неприлично съехали, открыв серую, с зеленью кожу, и уже было совсем неважно, прилично или нет, потому что это был *не человек, а что-то другое*.

Неужели я тоже стану такой, когда умру? Я не могу стать такой, потому что это буду не я. А где тогда буду я?

– Ну и что, и что? – жадно спрашивала Вероника. – Господи, почему меня там не было! Марина глубоко вдохнула. Воздух был вечерний, вкусный, летний.

– Там были... молодой человек с девушкой. Наши, из-за стола, Вадим и Галя, кажется. Он сбегал, привел людей. Те люди привели еще людей. Потом милиция приехала. Вот и все.

Вероника оскорбилась:

– Как все?! Разве это история?!

– Я не знаю, история это или нет, только больше рассказывать нечего.

– А детали? Предсмертная записка? Бриллианты? При нем не было бриллиантов?

– Я не видела.

– А почему бриллианты, Вероника? – сладко спросил Федор Федорович Тучков. – Что это у вас за... фантазии такие?

– Никакие не фантазии! Это всем известно. Курьер привозит бриллианты с алмазных копеек. Встречается с покупателями. Они не могут договориться о цене, и курьера убивают. А он как раз за секунду до смерти глотает бриллианты. Весь килограмм. И тогда убийцы остаются с носом, потому что они не догадываются, что можно проглотить килограмм бриллиантов!

– Гениально, – пробормотал Федор Федорович.

Вероника посмотрела на него с подозрением:

– А вы что? Телевизор не смотрите?

– А вы что? Смотрите?

Марина усмехнулась.

– Так что? – спросила Вероника. – Дальше ничего не было? Ни записок, ни бриллиантов?! Никаких шокирующих деталей?

– Никаких, – призналась Марина.

Была одна деталь, но она не хотела рассказывать о ней Веронике, и не потому что деталь была «шокирующей», а потому что Марина была не до конца уверена, деталь ли это.

– Так, значит, бабульки правильно сказали? Упал по пьяни да и захлебнулся?

– Какие бабульки?

– Господи, какие! Наши соседки! Ирина Михайловна и вторая... Валентина Васильевна, что ли! – По тому, как Вероника произнесла имя-отчество, было совершенно ясно, что обеих она терпеть не может и от души презирает, ибо в санаторной праздности больше некуда девать избыток энергии – только презирать кого-нибудь.

Марина пожала плечами:

– Я не знаю, что там болтали бабульки, но милиция мне сказала, что дело было именно так.

Если бы не та самая деталь, о которой Марина даже точно не знала, деталь ли это.

– А... давно? – вдруг подал голос Федор Федорович и откашлялся. – Давно?

– Что – давно?

– Давно... это случилось?

– Что случилось? – уточнила вежливая Марина, заметив, что Федор Федорович как-то странно морщится, когда поминает труп, – нежный какой! – Давно ли труп стал трупом или давно ли я его обнаружила?

– Обнаружили... да, я знаю. Позавчера вечером, я как раз... кошку искал. Нет, я про другое... Когда он... утонул?

– Да накануне и утонул. – Так как Федор Федорович все морщился, Марина чувствовала себя по сравнению с ним закаленной и самоуверенной. – Три дня назад. Вечером или ночью.

Тут произошло очень странное событие.

Профессорская внучка вдруг встрепенулась, перестала рассматривать свои ноги – она начинала рассматривать их всякий раз, как только разговор отступал от ее драгоценной персоны, и рассматривала до тех пор, пока не возвращался.

Она перестала рассматривать ноги и с милой непосредственностью толкнула Федора Тучкова в бок.

– Что?

– Да не мог он утопнуть третьего дня вечером, – радостно заявила Вероника, упиваясь тем, что она наконец-то может их поразить, этих глупых и скучных стариков. – Потому что я его видела позавчера утром.

– Кого?!

– Да утопленника вашего! То есть нашего. Слушайте, а может, он... дух? Привидение? Водяной?

Федор Федорович взволновался:

– Постойте, постойте, Вероника. Откуда вы знаете, что видели именно его? Вы что? Осматривали труп, когда его вытащили, и узнали того, с кем разговаривали?

– Я не осматривала труп! Просто он жил в соседнем номере! Дверь в дверь!

– Труп жил в соседнем номере? – поразился глупый Федор Тучков.

– Ну, этот тип, который впоследствии стал трупом!

– Откуда вы знаете, где именно он жил?!

– Да здесь все знают, где он жил! А мы с дедом прямо напротив!

– А когда вы его видели? – спросила Марина. Это было интересно.

– Позавчера утром. До завтрака. Я выходила, и он выходил. Мы даже поздоровались. Так что никак он не мог утонуть накануне вечером, если только он не водяной!

– Не знаю, – задумчиво пробормотала Марина. – Тот милиционер, который со мной разговаривал, сказал, что он пролежал в воде сутки или чуть меньше, но никак не несколько часов.

– У него был двойник! – объявила Вероника торжественно. – Как вам эта версия?

Версия особого впечатления не произвела.

Солнце засело в голубую елку и посверкивало оттуда, брызгало желтым и теплым Марине в нос. Она жмурилась и отворачивалась, и есть хотелось с каждой минутой все сильнее.

А в номере у нее колбаса – целая палка! – и банка кофе.

– Я пойду, пожалуй. До свидания.

– Так вы нам ничего и не рассказали, – с неудовольствием заключила Вероника.

– Да нечего рассказывать!

– Господи, как с вами скучно! – протянула профессорская внучка. – Просто ужас.

Вскочила, проволокла по газону свой чехол, потом взгромоздила его на узкое плечико и пропала из глаз.

Почему-то Марине это показалось странным.

Что она хотела узнать? Зачем так приставала? По детской глупости? Не так уж она молода и глупа – в ней больше игры, чем настоящей глупости, да и лет ей уже давно не пятнадцать.

– Я вас провожу, – ни с того ни с сего вызвался Федор Тучков.

– Не надо!

– Да мне все равно в вашу сторону!

– Откуда вы знаете, в какую мне сторону?

– А мы с вами соседи. Как Вероника... с трупом.

– Соседи? – тоскливо поразилась Марина. Не хватало ей только Федора Тучкова «дверь в дверь».

– Вы ведь в пятнадцатом «люксе»?

Она молчала, только смотрела.

– А я в шестнадцатом.

Не говоря ни слова, она пошла по чистой и теплой траве к корпусу, видневшемуся за елочками и березками – очень романтично и по-санаторному.

Федор плелся следом, слышалось шуршание пестроцветных спортивных штанов.

Нет, выцветшие и потертые джинсы были бы куда лучше!

Впрочем, их носят «главные героини», а на такого Федор Тучков никак не тянул.

У ореховых дверей на лавочках расположился к этому часу весь цвет местного общества, вывалившийся на «свежий воздух» после «вечерней трапезы» и ожидающий начала «увеселительной программы».

Марина решила, что ни за что мимо них не пойдет.

Может, нужно было ехать на заимку? Лес, а в лесу избушка, чего лучше?

Не дойдя до скамеечного клуба, она проворно свернула на узенькую асфальтовую дорожку в березках и елочках – в крыле «люкс» имелся отдельный вход – и прибавила шаг.

Федор Тучков шел за ней. Он шагал сзади, не отставал и не приближался, как образцовый жандарм, конвоирующий «политического».

Дорожка свалилась вниз и вбок, в обход здания. Здесь начинался васнецовский лес – старые ели с мшистыми стволами, заросли бузины и орешника, все коричневое и темно-зеленое, как будто сырое и сумеречное. Марина любила лес. Она и санаторий этот выбрала только из-за того, что в рекламе говорилось, что вся территория – сплошной лес. В траве что-то шевельнулось, и Марина быстро посмотрела, не змея ли. Но ничего не увидела.

Сзади послышался звонкий шлепок и бормотание – Федор Тучков прихлопнул комара. Марина оглянулась – «красавец мужчина» рассматривал собственную ладонь, на которой, очевидно, должен был остаться труп насекомого.

Господи, до чего противный!

– Послушайте, – неожиданно сказала она и остановилась, – ну что вам от меня нужно? Зачем вы за мной идете?

– Я не за вами, – растерялся он, – я... к себе.

– Вы что, не могли через центральный вход войти?!

– Не знаю. Наверное, мог.

– А почему не вошли?

– Не знаю. Наверное, я об этом не подумал.

– Послушайте!

Остановилась она неудачно. Где-то поблизости скорее всего располагалась военная база всех местных комаров, потому что тучи их теперь вились вокруг Мариной физиономии, так что воздух тоненько звенел. Она начала отмахиваться, и напрасно, потому что остановиться уже было невозможно, и через пять секунд она махала руками, как ветряная мельница. Федор Тучков беспокойно следил за ее движениями и время от времени отшатывался, как бы непроизвольно.

Нельзя быть убедительной и солидной, да еще неприступной и холодной, когда во все стороны размахиваешь руками!

– Я не хочу, чтобы вы за мной таскались!

– Наверное, нам лучше идти, иначе нас здесь съедят.

– Я приехала отдыхать и не желаю, чтобы мне мешали!

– У вас на правой щеке три комара.

– Я пять лет не была в отпуске! Я не признаю никаких курортных знакомств!..

– Должно быть, это оттого, что здесь низина.

– Мало того, что я в первый же день нашла труп и теперь на меня все смотрят как на экспонат в музее, еще вы таскаетесь за мной!

– Боюсь, долго нам не продержаться.

– Я ехала так далеко от Москвы просто затем, чтобы отдохнуть! Я не хочу ни с кем общаться, я и так общаюсь целый год, а сейчас я просто хочу отдохнуть!

– Нужно было мне захватить какое-нибудь средство. Но я не предполагал, что мы будем... прогуливаться по лесу.

Тут Марина внезапно *услышала*, что он говорит.

– Никто не прогуливается с вами по лесу! Я пытаюсь вам объяснить, что не нужно за мной ходить! Я не хочу! Вы понимаете человеческие слова?

– Смотря какие, – неожиданно заявил Федор Тучков, – а у вас, по-моему, мания величия. С чего вы взяли, что я за вами... таскаюсь?

Марина перевела дух и с досадой шлепнула себя по голой шее.

– Шли бы тогда с Вероникой!

– Вероника шла на корт. Мне нужно домой. То есть в номер. И что тут такого?

Н-да. Ничего «такого» в этом, пожалуй, нет. Просто он ее раздражает. Так раздражает, что она ведет себя неприлично.

– Извините, – буркнула Марина, отплевываясь от комаров, которые лезли в рот, нос и уши. Руки и шея горели и чесались, под волосами как будто что-то шевелилось.

Надо бежать!

Она бросилась по дорожке вверх, подальше от комариной военной базы. Федор не отставал.

– У вас, наверное, работа связана с людьми, – миролюбиво предположил он у нее за спиной, – и вы от них устаете.

Он предлагал прекрасное оправдание ее хамству и настойчивым попыткам убедить его в том, что он за ней таскается. Ей нужно было только согласиться – да, устает.

– Да ни от кого я не устаю! – с досадой возразила Марина, как будто черт тянул ее за язык. – Я работаю с бумагами, а не с людьми!

Самое смешное, что это неправда, работала она больше с людьми, чем с бумагами, но ей очень не хотелось, чтобы он бросал ей спасательный круг и оправдывал ее хамство!

Она ловко и изящно – по крайней мере ей хотелось так думать – перепрыгнула через толстую ветку, упавшую поперек дороги, просторная штанина зацепилась за какой-то сук, подло торчавший из ветки, ткань затрещала, ногу дернуло назад, и Марина плюхнулась на колени, прямо на мокрый потрескавшийся асфальт. Правая коленка, много лет назад разбитая на лыжах, угодила на какой-то каменный выступ, и Марина взвыла от боли.

Потемнело в глазах. Стало нечем дышать. В затылок как будто вбили кол.

– Что же вы так! Как же вы так! Ушиблись? Покажите ногу!

Все эти восклицания она слышала сквозь ровный шум боли в ушах и посильнее закусила губу. Губа была соленой и мокрой.

– Вставайте! Держитесь за меня и вставайте! Попробуйте.

– Я пробую, – сквозь зубы сказала Марина. Первая волна боли отхлынула, оставив только унижение и тошноту.

Взявшись рукой за пестроцветный спортивный костюм, она кое-как поднялась и подышала ртом, чтобы прогнать тошноту.

Федор Федорович крепко держал ее за локоть и намеревался закинуть его себе за шею, чтобы тащить Марину, как вводят раненых в кино.

– Что ж вы прыгаете и не смотрите куда!

– Я без очков вообще плохо вижу!

– Тогда почему вы ходите без очков?

На это Марина ничего не ответила, только сказала:

– Отпустите меня!

– Вы уверены, что у вас... ничего не сломано?

У нее была сломана гордость, да и то не сломана, а так, чуть поцарапана, но она не стала сообщать об этом Федору Тучкову.

Она решительно сняла свой локоть с его шеи, пристроила сумку и похромала за кустик, к поваленному толстому черному бревну.

Федор постоял-постоял и потащился за ней.

Держа ногу на весу, Марина присела на бревно и осторожно задрала штанину – коленка была грязной, красной и, кажется, уже опухала.

– Черт, – с тоской сказала Марина и зачем-то подула на нее, как в детстве, когда на все раны достаточно было подуть, и боль проходила.

Сейчас ничего не изменилось. Или все дело в том, что дуть должна была непременно мама?

Марина потрогала кожу, сморщилась, зашипела, и тут у нее перед носом опять оказался Федор Тучков.

– Дайте я посмотрю, – деловито предложил он и полез к ее коленке.

Марина отдернула ногу:

– Не надо ничего смотреть! Я... посижу пять минут, и все пройдет.

– А если не пройдет, мне придется нести вас в медпункт. Между прочим, дорога туда пролегает как раз через центральный вход, – неожиданно добавил он. – Хотите, чтобы я нес вас в медпункт через центральный вход? Там, наверное, народу еще прибавилось.

Не отрываясь от ноги, которую она баюкала и убирала у него из-под носа, Марина внимательно на него посмотрела.

Может, он не debil? Может, он только производит такое впечатление? Может, на самом деле он очень умный?

По крайней мере наблюдательный – это точно.

– Это вы во всем виноваты, – неожиданно бухнула она, – черт бы вас побрал!

– Почему виноват? – перепугался он. – Я не виноват!

– Потому что вы меня раздражаете!

– Я не нарочно!

Тут он нагнулся – волосы были светлые, почти белые, сквозь них просвечивал широкий затылок, – сорвал какой-то лопух и стал совать Марине.

– Да не надо мне, зачем он мне нужен!..

– Приложите к ноге, и все пройдет.

– Да что прикладывать-то?! Лопух?!

– Это не лопух, а подорожник, самое верное средство!

Марине хотелось, чтобы он отвязался от нее вместе с «верным средством», но она поняла, что не отвяжется. Выхватила кожистый широкий лист и прижала прохладной стороной к коленке.

– Его нужно лизнуть, – совершенно серьезно посоветовал Федор Тучков, – вы разве не знаете?

– Нет, не знаю.

– Вы что, в детстве не разбивали коленок?!

В детстве у нее были шляпа – чуть поменьше нынешней, – белые гольфы с бантами, лакированные красные туфельки, зонтик с кружевцами и кукольная колясочка с пупсиком. Нет, она не разбивала коленок. Она даже не знала, как это бывает.

– Дайте сюда!

Федор Тучков выхватил у нее широкий лист, старательно полизал и пристроил ей на ногу. И рукой сверху придержал, чтобы прилип как следует.

Марина вытаращила глаза.

– У меня есть пластырь, – как ни в чем не бывало продолжил он, – я могу вам дать. Кожа немного содрана, лучше бы, конечно, заклеить.

Тут он опять прихлопнул комара у себя на шее и опять внимательно изучил свою ладонь. Кошмар.

На дорожке, совсем близко, вдруг захрустели камушки, посыпались как будто. Кто-то бежал – именно бежал, а не шел, и Марине показалось, что бежит не один человек. Зачем-то она пригнулась к коленям, хотя и напрасно – за сквозными кустиками все равно было не спрятаться.

Да и прятаться незачем, глупость какая-то!

Федор все сидел на корточках, почти уткнувшись носом в ее коленку, а тут повернулся и посмотрел.

За кустами мелькало что-то, какие-то яркие цвета. Кажется, и вправду бежали двое.

Еще секунду Марина не могла сообразить, кто там, а потом поняла – это Юля с Сережей, любители морковного и картофельного пюре, а также бега, а заодно, возможно, спортивной ходьбы и еще, должно быть, стрельбы из лука.

Юля легко перелетела ветку, о которую постыдно споткнулась Марина, Сережа мужественно топал сзади.

– Юльчик!

– Да-а!

– У меня шнурок развязался!

Сережа присел на корточки прямо за злополучной веткой, и Юля подбежала, остановилась и стала пританцовывать, высоко вскидывая бедра – чтобы не тратить ни одной секунды драгоценного времени, отведенного «на спорт». Бедра были не так хороши, как у Вероники, но все же вполне достойны.

Сережа завязал один шнурок, проверил узел на втором и поднялся – Юля в это время уже перешла к наклонам.

– Надо оттащить, – сам себе сказал Сережа и взялся за ветку, – мешает!

– Умница ты мой, – пропыхтела Юля.

Сережа отволоч ветку с дорожки – в другую сторону, не в ту, где сидели на бревне за жидкими кустиками Марина и Федор Тучков.

– Бежим! Тут одни комары!

– Да, – вдруг тихо сказала Юля и перестала делать свои наклоны, – я не ожидала, что его так быстро найдут. Не должны были.

Марина замерла. Федор Тучков, кажется, тоже замер.

– Не должны были, – согласился Сережа. – Только все равно уже нашли. Бежим, Юлька!

Затрещали ветки, захрустели камушки, затопали кроссовки, замелькали яркие спортивные костюмы.

Почему-то Федор с Мариной сидели, пригнувшись и не шевелясь, пока все не смолкло и не пропало из глаз.

Когда смолкло и пропало, Марина решительно скинула со своей раненой коленки руку Федора Тучкова, по неизвестной причине остававшуюся там все это время.

– О чем это они говорили? – спросил Федор и почесал шею. – Как вы думаете?

– Не знаю. – Марина была совершенно уверена, что говорили они про труп.

– Может, про утопленника? – предположил проницательный Федор. – А?

– Не знаю.

Марина решительно поднялась, отряхнула штанину, сделала шаг и немного постояла, как бы принаравливая ногу к новому положению. Будет теперь долго болеть. Тогда, на лыжах, она сильно ее разбила, и теперь «к погоде» или просто так, когда вздумается, коленка начинала

«чудить» – нить, подворачиваться, «выбиваться», как говорил врач. А тут Марина на нее повалилась, да еще всем весом, да еще на асфальт!

Нет, надо было на заимку ехать!

– Если про труп, значит, они знали, что он там... лежит? – предположил Федор Федорович еще более проникательно. – Почему она сказала, что... не думала, что его найдут так скоро?

– Понятия не имею.

Держа ногу прямо, как полковник Чесней в кино про тетушку из Бразилии, она вернулась на дорожку и заковыляла по ней вверх, к санаторному корпусу.

– Позвольте предложить вам руку.

– Спасибо, не нужно. Я прекрасно справляюсь сама.

Ей хотелось дойти побыстрее. После подслушанного разговора все вокруг стало казаться зловещим. Васнецовский лес – диким и темным. Далекий пруд за темными деревьями дышал могильным холодом, и даже то, что никого не было в этот час на дорожке, почему-то показалось подозрительным.

Тут еще Марина вспомнила про *ту самую* деталь, о которой не стала говорить надоедливой Веронике, и в позвоночнике похолодело.

Вот тебе и несостоявшееся «приключение»!

Дорожка вырулила из лесного полумрака на желтый и теплый солнечный пригорок, деревья расступились и как-то подвинулись, и оказалось, что до санаторных дверей рукой подать, и вообще здесь все близко, и зря она так... перепугалась зловещего леса и непонятных слов.

Мало ли о чем они говорили! О чем угодно они могли говорить!

– Не нравится мне все это, – вдруг сказал за ее спиной Федор Тучков, – странно все это...

Киношность Федоровых замечаний опять повергла Марину в раздражение. Она моментально забыла, что только что и сама думала, что «это странно» и ей «не нравится».

– Ничего странного нет, – строптиво сказала она, – мы же не знаем, о чем именно они разговаривали!

– Не знаем, – согласился Федор, – но похоже, что...

– Что?

Он глянул в сторону пруда, уже не видного за деревьями, и промолчал.

Вход в корпус с этой стороны был обставлен с некоторым помпезным шиком – как раз здесь пролегал путь в номера «люкс». Шик был золотым и зеркальным, также присутствовали мраморные колонночки и гипсовая персونا с кувшином в центре гигантской белой раковины. По краю раковины стояли цветы в горшках, а за горшками в кресле сидела дежурная.

– Добрый вечер, – поздоровалась Марина и, не глядя, проковыляла к лестнице.

– Добрый, добрый, – отозвалась дежурная, остреньким, истинно администраторским взором окидывая хромающую Марину и пестроцветного спортсмена Федора. – Гуляли на воздухе?

Нет, в следующий раз только на заимку!

– Гуляли на воздухе, а теперь вернулись обратно в помещение, – обстоятельно объяснил Федор Федорович, кланяясь администраторше.

Все-таки он кретин. Не может быть, чтобы человек так искусно прикидывался кретином.

Возле Мариной двери он приостановился, несколько наклонился вперед и округлил руки, как бы намереваясь подхватить Марину, если она вознамерится падать.

Не вознамеривалась она падать!

– Я вам принесу пластырь, – пообещал он, – ваше колено...

Марина улыбнулась приятной улыбкой.

– Мне ничего не надо, – быстро сказала она и распахнула дверь, так что физиономия Федора Тучкова почти скрылась за полированной панелью. – Спасибо вам большое.

– Но пластырь... я все-таки... тем не менее... я бы вам посоветовал непременно заклеить.

– Я непременно заклею, – уверила его Марина и захлопнула дверь, оставив Федора с той стороны.

Кажется, до своей двери он шел на цыпочках, потому что Марина не слышала никаких шагов, а потом только деликатный стук – закрылась его собственная дверь.

Неужели ушел?!

Вот повезло-то. Мог бы стоять под дверью и взывать к ней, чтобы она непременно взяла у него пластырь, например, до утра.

В номере было тепло и тихо. И пахло хорошо – ее собственными духами, новой мебелью, полиролью и свежескошенной травой – дверь на балкон весь день оставалась открытой.

Прямо у двери Марина стащила пострадавшие брюки – они немедленно застряли на башмаках, про которые она позабыла, и пришлось стаскивать башмаки, а потом выпутывать из них брюки, а потом рассматривать штанины. Результаты осмотра оказались неутешительными – вряд ли придется надеть брюки еще раз, требовалась серьезная чистка, которую невозможно было провести в пластмассовом тазу в ванной номера «люкс».

Вот жалость какая! Брюки были любимые – хорошо сидели на всех без исключения местах. Все, что нужно, обтягивали, а что не нужно скрывали, и спереди, и сбоку, и сзади зеркальное Маринино отражение было стройненьким и в меру выпуклым – отличные брюки!

Вздыхая, Марина налила в чайник воды, достала банку с кофе и ту самую палку колбасы, при одной мысли о которой у нее что-то екало в желудке. В буфете светлого дерева стояли тонкие чашки и бархатная коробочка со столовыми и десертными ложками – санаторное начальство заботилось об отдыхающих в номерах «люкс».

Пока грелся чайник, Марина поливалась из душа и все думала о брюках, а потом перестала, зато начала думать о колбасе. К мыслям о колбасе примешивался еще Федор Тучков с его неуклюжей галантностью и любовью к диким нарядам, а потом добавились еще Юля с Сережей.

О чем же они говорили? Как бы это узнать? Может быть... да нет, это ерунда... и все-таки... хотя, конечно... А вдруг «приключение» еще состоится?!

И деталь – та самая, о которой она не стала рассказывать проницательнейшему Федору Тучкову и Веронике – Огневушке-поскакушке, как про себя определила ее сущность Марина.

Или вместо «поскакушка» следует читать «потаскушка»?

Пожалуй... Пожалуй, нет. И сладкий Геннадий Иванович, будущая теннисная звезда, и Федор Тучков, испытавшие на себе действие Вероникиных чар, всей душой мечтали, чтобы на них кто-нибудь распространил эти самые чары. Кажется, это называется «вырваться из семейного плена» и еще, кажется, так – «нет такого женатого мужчины, который хоть на один день не мечтал бы стать холостым!». Вероника просто подыгрывала – уж по крайней мере она не воспринимала их всерьез, страдальцев, дорвавшихся до санаторной свободы, это точно. Марина тоже не воспринимала бы, если бы... если бы вокруг нее кто-то так же стал увиваться. Федор Тучков не в счет, вряд ли он за ней... увивается. Скорее всего так понимает «хороший тон».

Марина закрутила кран и вылезла из ванны, на всякий случай придерживаясь за стену рукой – не хватало только еще раз свалиться! Кто раздобудет ей подорожник и благородно подставит плечо, чтобы вести, как водят раненых в кино?!

От одной этой мысли Марину передернуло – она не желала, чтобы ее так вели. Впрочем, если бы это был благородный герой в выцветших и потертых джинсах, она, пожалуй, согласилась бы. А если Федор Тучков – нет, спасибо!

Интересно, у него есть жена? И если есть, какая она? Такая же гладкая и пузатенькая, как он сам, в химических блондинистых завитушках? Или, наоборот, костлявая и нескладная, как старая беспородная лошадь?

Господи, о чем она думает? Какое ей дело до предполагаемой жены Федора Тучкова?! Ей и до него самого не может быть никакого дела, тем более что за вечер он надоел ей хуже горькой редьки!

Есть-то как хочется!

Марина размотала с головы влажный и теплый тюрбан махрового полотенца и включила фен. Хочется или не хочется, все равно сначала придется привести в порядок волосы. Если волосы в порядке, остальное не имеет значения, хоть в мешок нарядись. Волосы и еще туфли.

Марина посмотрела на свои босые ноги и пошевелила большими пальцами. Фен бодро гудел.

Волосы еще туда-сюда, с ними все ничего. А вот с туфлями дело плохо.

Каблуки она не носила – в десятом классе неожиданно оказалась выше всех, не только девочек, но и мальчиков тоже. Только тогда никто не был осведомлен о том, что метр восемьдесят – это красиво, стильно и вообще открывает прямую дорогу к наизаветнейшей женской мечте – профессии фотомодели, и в классе Марину просто перестали замечать. Сидит и сидит на последней парте некое сутулое существо с крысиным хвостиком серых волос и в очках. Нога тоже выросла – сороковой размер, шутка ли! – и всю розовую юность Марина проходила в папиных сандалиях. Негде было взять туфли сорокового размера – отечественная промышленность не признавала наличия в Стране Советов высоких, худых, длинноногих, толстых, низких, маленьких, коротконогих, длинноруких и еще каких-нибудь. Одежда была «средняя» – размер пятьдесят, рост метр шестьдесят. Обувь тоже «средняя» – тридцать семь – тридцать восемь. Марине она не годилась, вот и получились папины сандалии!

Зато прическу она сделала себе сама. Едва поступив в институт – поступление означало пропуск в новую самостоятельную жизнь, – она отправилась в парикмахерскую на Новый Арбат, тогда еще Калининский, и за бешеные деньги, рублей пять или семь, отстригла крысиный хвостик под корень. Когда хвостик свалился на пол, Марина закрыла глаза от накатившего первобытного ужаса.

Бабушка не переживет. Она уверена, что «у девушки должны быть косы». Крысиный хвостик, будучи заплетен в косицу, выглядел ужасно, и, кажется, бабушка это понимала, потому что все время принимала меры для улучшения Марининых волос. Голову мыли кефиром, черным хлебом и яичным желтком – раз в неделю. Чаше нельзя, вредно. Репейное масло, масло касторовое, масло подсолнечное. Горчичный порошок. Настой ромашки. Отварные березовые почки. Можжевельные ветки – парить в кастрюле три часа, настаивать сутки, слить, ветками обложить голову, завязать платком, а сверху покрыть клееночкой и ходить до вечера.

Эффект от всего этого шаманства был сомнительный, но... остричь волосы?! У девушки должны быть косы!

Хвостик неслышно упал на пол, и приставить его обратно не было никакой возможности – если бы была, трусиха Марина непременно приставила бы! – и пришлось довериться мастерице, которая мрачно кромсала Маринины волосы. Парикмахерши мрачно кромсали, продавцы орали, хамили и швырялись колбасными свертками в ненавистные рожи покупателей, таксисты ехали «в парк», билетный кассир в кассе «южного направления» практически правил миром, особенно в летний сезон, – время такое было, загадочное, необъяснимое. Называлось «Советская власть плюс электрификация всей страны».

Парикмахерша кромсала довольно долго, и новая прическа перевернула Маринино представление о жизни.

Волосы оказались не серыми, а как будто рыжими – может, не стоило так много лет мазать их репейным маслом? И вообще голова как-то изменилась, стала легкой и изящной, в легкомысленных завитках и прядках, и с тех пор Марина полюбила эксперименты и никогда не жалела денег на самые дорогие парикмахерские салоны. На туфли жалела, а на салоны – нет.

Она выключила фен и некоторое время любовалась собой в зеркале. Вернее, не собой, а свежеуложенной прической. Сама-то она была так себе, зато прическа – просто блеск! Теперь можно со спокойной душой пить кофе и есть бутерброды с сухой колбасой. Да, и еще смотреть телевизор!

Вот он, настоящий отпускной рай, и на заимку вполне можно не ехать!

С тонкой чашечкой, исходящей сладким кофейным паром, с целой горой бутербродов, выложенных на подносик, Марина уселась перед телевизором, подложила под бок подушку, нажала телевизионную кнопку и вздохнула от счастья.

Сейчас она все это съест, выпьет эту чашку, нальет себе следующую, а потом, может быть, еще одну и, пошатавшись по телевизионным дебрям, найдет какое-нибудь подходящее кинцо – про любовь или легонький детективчик без моря крови и горы трупов – и заснет под него веселым и спокойным отпускным сном.

Не тут-то было.

Во-первых, в голову сразу полез ее собственный «детектив» – с трупом! – и непонятный разговор на дорожке, и Вероникин интерес, показавшийся ей чрезмерно жгучим, и еще... деталь, о которой знала только она одна. Почему-то никто больше не обратил на нее внимания.

Во-вторых, с кино не повезло. Не было ничего подходящего, хоть плачь! Ни «Римских каникул», ни «Как украсть миллион», ни «Формулы любви», ни «Шерлока Холмса» в этот вечер не показывали.

Показывали фильм знаменитого актера и режиссера Матвея Евгешкина «Русская любовь» – название всеобъемлющее и, так сказать, сразу все расставляющее по своим местам.

Возможно, конечно, еще бывает любовь турецкая, а также китайская и – кто ее знает? – даже эскимосская, но русская, разумеется, самая загадочная, сильная и правильная во всей вселенной и ее окрестностях.

Матвея Евгешкина Марина не любила. В молодости, в пятидесятых годах, в сентиментальных и «рвущих душу чувствами» черно-белых фильмах, Матвей научился виртуозно и со вкусом рыдать в кадре. Это рыдание было его особенным актерским почерком, можно сказать, визитной карточкой. Маленькой, а потом подросшей Марине было стыдно смотреть, как взрослый дяденька поминутно заходится от слез – повод к слезам мог быть любой: и «русская любовь», и болезнь, и измена, и навет с клеветой, и пропесочивание партийным руководством. Матвей много, старательно и вдумчиво изображал секретарей райкомов, обкомов, облисполкомов, крайкомов, губкомов.

Таким образом, Матвей благополучно дорыдал до последнего времени, на кинофестивале заклеил позором богатых подлецов, укравших «народные деньги», и немедленно снял на средства этих самых подлецов свой шедевр.

Шедевр изобиловал откровениями и многозначительностями типа – «русский человек пьет от безысходности» или «жить надо не по правилам, а по совести». Сюжетец заключался в том, что на протяжении нескольких часов плохие и злые люди обижали хороших и добрых. Кто возглавлял «злых», Марина не поняла, а «добрых» возглавлял, разумеется, сам Матвей Евгешкин. Время от времени он принимался рыдать – крупный план, старое, морщинистое, вислощекое лицо, клок жидких волос, в глазах скорбь «за народ» и слезы в три ручья.

Фу, стыдоба какая!

Давно бы следовало переключить кнопку, но то, что показывали на других каналах, Марине вовсе не подходило: бокс, бег, программа «Дачники», виденная впервые в январе, а потом еще раз в мае – на третий круг пошли, молодцы, ребята! – футбол, пятая отборочная группа, и какая-то вовсе невразумительная стрелялка, так что пришлось волей-неволей оставаться с «Русской любовью».

Злые люди в своем свинстве окончательно утратили человеческий облик, а добрые заплакали с утроенной силой, когда в дверь к Марине постучали.

Она сильно вздрогнула, кофе выплеснулся, угрожая залить чистенькие джинсики, и Марина быстро поставила чашку на стол.

Господи, кто это может быть?!

Почему-то мысль о том, что это Федор Тучков явился продолжать свои заботы, не пришла ей в голову, и она распахнула дверь, за которой обнаружился именно Федор, и вытаращила глаза. От удивления даже позабыла возмутиться.

– Добрый вечер, – ласково поздоровался гость, – с вашего разрешения я принес вам пластырь. Бактерицидный. Вот он.

И помахал у Марины перед носом белой бумажкой.

– Позвольте мне войти?

– Боже мой, – пробормотала Марина, – боже мой...

– Я оставляю пластырь и немедленно уйду, раз уж вызываю у вас такую бурю отрицательных эмоций, – заверил ее Федор, не переступая, однако, порога. Очевидно, без разрешения он не мог себе позволить «вторгаться» – это было очень в его духе.

Тут Марина вдруг подумала, что «Русская любовь», судя по программе, будет идти еще долго – с продолжением оказался шедевр! – а больше заняться совершенно нечем, не на танцы же отправляться в самом-то деле! Кроме того, появление Федора Тучкова давало ей прекрасную возможность проверить свои логические выводы и умозаключения – например, про жену, и про Веронику, и про «освобождение из семейного плена».

А про ту самую деталь она ничего ему не скажет. Ей нужно прежде все обдумать самой.

– Проходите, – решительно пригласила она, словно боясь передумать, – хотите кофе?

– Хочу.

Интересно, «таскается» он за ней или все-таки нет? Как бы *это* проверить?

– Садитесь.

– Куда прикажете? На диван или... в кресло?

– Боже мой, куда угодно! Можете на пол сесть, я ничего не имею против! Или выйти на балкон, там тоже есть на что сесть!

– Тогда я, с вашего позволения, в кресло.

– Валяйте в кресло, – себе под нос пробормотала Марина, доливая в чайник воды из круглой канистры. Эту канистру Марина в первый же день притащила из деревенского магазина, где та стояла невостребованная, наверное, много лет. Марина тащила ее, останавливалась, отдувалась, вытирала платочком пот, обмахивалась идиотской шляпой, которая все норовила слететь с головы, а потом ее догнал мальчишка на велосипеде, пристроил канистру на облупившийся багажник и в два счета довез до санаторных ворот.

«Что вы, тетенька, не надо! – с умеренной досадой отказался он, когда Марина стала совать ему деньги. – Денежки за работу дают, а разве ж это работа!»

Федор Тучков устроился в кресле и любовно, как показалось Марине, положил одну расписную и цветастую ногу на другую.

– Как ваше колено?

– Все в порядке, спасибо. – Я считаю, что вы должны его заклеить пластырем.

– Обязательно так и сделаю.

– Может быть, завтра имеет смысл показать колено врачу?

– Я подумаю над вашим предложением.

Тут они посмотрели друг на друга и замолчали.

– Вам не кажется, – спросил вдруг Федор Тучков, – что мы с вами как-то странно разговариваем?

– Кажется, – согласилась Марина, – но у нас так само получается.

– Может, попробуем поговорить по-другому?

Она пожала плечами и села на краешек дивана, очень прямо держа спину – бабушка всегда говорила, что женщина не должна горбиться, если она не прачка, впрочем, прачка тоже горбиться не должна!

– Давайте попробуем поговорить по-другому.

Федор опять на нее посмотрел.

Вместо просторных полотняных брюк узкие голубые джинсы и узкая же черная майка без надписей и морд на животе и спине. Волосы рыжие – спереди почти до глаз, сзади спускаются до шеи, – подвернутые концами внутрь. Движения стремительные, глаза злые.

Не женщина, а мечта. Не зря он тогда ее приметил, на лавочке, в дикой шляпе и платье а-ля «рюсс пейзаж». Она ему пригодится.

– Вам с сахаром? Молока нет.

– С сахаром, спасибо.

«Предлагать или не предлагать бутерброды с сухой колбасой? – пронеслось у Марины в голове. – Никаких следов колбасы вроде бы нет, значит, он и не догадывается о ней, значит, можно и не предлагать. Или не предлагать... неприлично? А предложить жалко!»

Да, конфеты же есть! Конфеты Марина любила значительно меньше, чем бутерброды с колбасой.

– Хотите конфет? – вскричала она так весело, что гость посмотрел на нее с некоторым подозрением, как будто конфеты могли быть отравлены. – У меня есть шоколадные, карамельки и еще леденцы «Взлетные»!

– Леденцы «Взлетные», – принял решение Федор Тучков.

Он кинул леденец за щеку – щека оттопырилась, – захлебнул кофе и откинулся на спинку кресла, вытянув ноги.

Надо же, какой противный, вновь раздражаясь, подумала Марина. Убила бы.

А вот небось перманентным кудряшкам или костлявой лошадиной морде очень нравится. Если, конечно, супруги не практикуют маленький семейный домашний ад, от которого супруг теперь «отдыхает» в Маринином обществе.

Отвратительное слово – супруг.

– И все-таки, что вам от меня надо?! – спросила она таким тоном, словно неожиданно села на морского ежа, неведь как очутившегося в кресле. – Зачем вы пришли?

– Я принес вам пластырь.

– Не нужен мне пластырь!

– Я считаю, что колено все-таки лучше заклеить. Знаете, это такое коварное место, особенно подверженное травмам.

Тут он понял, что переборщил, и осторожно хихикнул, но она ничего не заметила – продолжала самозабвенно и от души на него злиться.

Ну, пусть позлится. В принципе он ничего не имеет против. Когда она злится, глаза у нее становятся совсем зелеными, он уже это заметил.

– А кем вы работаете? – благодушно спросил он и с шумом отхлебнул еще кофе. Шумно хлебал он не без умысла.

– Никем. Преподавателем в институте.

– Преподавателем... чего?

Почему-то он был уверен, что английского, или немецкого, или французского – кажется, никаких других языков, кроме вышеупомянутых, попавших как кур в ощи́п в систему отечественного высшего образования, в институтах не учат.

– Я читаю матан.

Федор Тучков вытаращил глаза:

– Что вы... делаете?!

Марина посмотрела на него с презрительным высокомерием.

– Я читаю лекции по математическому анализу, – медленно, как будто по складам, произнесла она, – есть такой раздел математики, не слышали?

– То есть вы математик?

– Ну, в общем, да.

– То есть вы во всем этом разбираетесь?!

– В чем именно?

– В функциях, пределах, факториалах, А штрих, Б штрих, первая производная, вторая производная, икс стремится к бесконечности, значит, игрек стремится к нулю?..

Марина засмеялась. В голосе Федора Тучкова был ужас.

Может, теперь он наконец-то перестанет за ней таскаться? Говорят, мужчины не любят образованных женщин и вообще их боятся.

– Я довольно хорошо разбираюсь в математике, по крайней мере на своем уровне. На Чебышева не тяну, конечно, но...

– А кто такой Чебышев?

– Ученый, – буркнула Марина.

– Я не знал.

– Вам простительно.

– Почему? – вдруг спросил Федор Тучков. – Потому что я идиот?

Он был настолько недалек от истины, что Марина смутилась.

– Нет, просто... Ваша профессия никак не связана с фундаментальной наукой, правильно я понимаю? Так что вы вполне можете не знать...

– И вы читаете лекции студентам? – живо перебил он.

– Ну да.

– А они вас слушают?

Марина развеселилась:

– По-разному. Бывает, слушают, а бывает, нет. Все зависит от времени года, от их настроения, от моего настроения, от темы, от того, какая лекция по счету. Много от чего.

– А вы... профессор?

Тут она засмеялась. Искреннее изумление Федора Тучкова почему-то ей льстило.

– Я профессор, – подтвердила Марина, – я профессор и доктор наук.

Профессором и доктором наук она была всего месяц, но Федору Тучкову вполне можно было об этом не сообщать. Нынешний отпуск как раз и был наградой себе самой за несколько лет каторжной работы, завершившихся защитой докторской и получением профессорского звания.

Тут Федор Тучков сделал следующее: встал, поклонился и сказал:

– Позвольте выразить вам мое глубочайшее уважение.

– Спасибо.

– Пожалуйста.

Марина посмотрела, не смеется ли он. Вроде бы не смеялся.

– Хотите еще кофе?

– Хочу.

– Надо подогреть.

– Позвольте, я сам! – вызвался Федор, очевидно, воздавая дань «профессору», и опять вскочил и ринулся к чайнику.

Нет, все-таки, наверное, он за ней таскается.

Значит, Федор Тучков и есть мое отпускное «романтическое приключение», решила она со вздохом. То, настоящее, вряд ли состоится, зато при ней до конца отпуска останется Федор, если только его не сманит кто-нибудь помоложе и посвежее и... «не доктор наук».

Марина искоса на него посмотрела. Он хлопотал у чайника – зачем он там хлопотал, что делал? Чайник грелся сам по себе, при помощи электрической энергии, и никакого участия человека в этом процессе не требовалось, но Федор все же как-то участвовал.

И это мой удел? Расписные спортивные штаны, светлые волосы, через которые просвечивает наивная розовая поросычья макушка, сладкие речи, привычка шумно прихлебывать из чашки и катать за щекой леденец?!

Что сказала бы мама? А бабушка?

– А вы? – спросила Марина со вздохом. – Вы ведь какой-то... чиновник?

– Чиновник, – признался Федор Тучков, – в министерстве.

– В каком?

Тут он почему-то запнулся на минуту, как будто не сразу вспомнил название министерства.

– А... в МИДе.

– Часто бываете за границей?

– Знаете, – вдруг сказал он, – это такая же распространенная ошибка, как думать, что все, кто работает на телевидении, непременно выходят в эфир. В эфир выходят два десятка человек, а работает на ТВ несколько тысяч.

– То есть вы за границей не бываете?

– Нет, я бываю, но... Вам добавить кофе?

– Да, спасибо. А почему вы отдыхаете здесь, а не... за границей?

Он не мог сказать ей правду – ей не нужна была никакая правда, – поэтому он соврал первое, что пришло ему в голову, – что-то про климат, природу, сказочной красоты виды и вообще русский дух.

Она смотрела с сомнением – наверное, и в самом деле доктор наук, на мякине не проведешь!

– А ваша жена? Осталась в Москве? Или все-таки уехала за границу?

Ах, вот в чем дело! В жене! Ну, с этим все просто.

– У меня жены нет, – признался Федор Тучков, подпустив в голос грусти, – у меня была жена... в молодости. Собственно, там она и осталась.

– Как это? – удивилась Марина, позабыв про хорошее воспитание.

– Очень обыкновенно. Мы развелись через три года после свадьбы. Она вышла замуж за моего институтского друга.

– А-а, то есть она – мерзкая и подлая притом?

– Боже сохрани! – перепугался Федор. – Прекрасная женщина! Превосходная! Мать троих детей, если мне не изменяет память.

В этой последней фразочке опять почудилась Марине какая-то странность, игра, фарс, комедия, которую он сам перед собой ломал и радовался, что ломает так хорошо.

Почему? Зачем?

– А трое детей? Ваши?

– Нет, – обиделся Федор Тучков, – ее мужа скорее всего. То есть я, конечно, специально не выяснял... А почему вас все это интересует?

– Да меня это вовсе не интересует! – с несколько запоздавшей досадой воскликнула Марина, и в это время из телевизора громко закричали:

– Ложись!!!

Федор с Мариной вздрогнули и уставились на экран, а лечь не стали.

Эпопея Матвея Евгешкина была в разгаре. Злые люди активно наступали, а добрые, порывав немного для порядка, решили защищаться. Защищались они с помощью... танка. Марина проглядела, откуда именно взялся этот танк, – очевидно, режиссерская находка. Теперь добрые ехали в танке. Злые в панике бежали. Танк стрелял. Белый дым стлался по

полям. Крупный план – женские глаза, в них ужас. Крупный план – глаза Матвея, в них слезы. То и дело повторялись фразы типа «сволочи проклятые» – в адрес плохих, и «врешь, не возьмешь» – в свой собственный адрес.

Плохие вызвали подмогу. Атака захлебнулась.

Конец второй серии.

Закрутились рекламные цветочки и звездочки, и Федор Тучков сказал задумчиво:

– Экая дичь.

– Это точно, – от души согласилась Марина. Почему-то ей было стыдно на него посмотреть, как будто не Матвей Евгешкин снял шедевр, а она сама и теперь не знает, куда деваться.

– Пойдемте на балкон, – пригласил догадливый Федор, – покурим.

Марина радостно устремилась на балкон, и телевизор выключила, только чтобы не видеть обещанного продолжения шедевра.

На балконе были сумерки, славные, теплые, июльские. Луна, прозрачная, летняя, висела над дальними елками, и елки казались синими, и асфальтовая дорожка внизу тоже казалась синей и серебряной. Цикады трещали, то затихали, то начинали с новой силой.

– Как я люблю лето, – сказала Марина и даже зажмурилась от удовольствия, – больше всего на свете.

– А я Новый год, – поддержал ее Федор Тучков, – очень люблю Новый год!

– При чем тут Новый год?

– Прекрасный праздник. По-моему, самый лучший!

– Я говорю, что люблю лето. При чем тут праздник Новый год?

– При том, что это самый лучший праздник в году!

Все-таки он кретин. Нет никакой игры, и фарса никакого нет, есть просто кретин Федор Тучков. Наверное, и жена от него ушла три года спустя после свадьбы из-за его кретинизма.

«И это... мой удел? Мое... романтическое приключение?!»

Внизу, под балконом, негромко затрещали ветки, и цикады на секунду смолкли, как будто прислушиваясь.

Марина вдруг перепугалась.

– Что там? – шепотом спросила она и схватила Федора за руку. Рука была широкой и твердой, пожалуй, даже странно твердой при его общем кисельно-окорочном облике.

– Где?

– Там. Внизу.

– Асфальтовая дорожка, – обстоятельно ответил он, заглянув вниз, – а что?

В это время опять затрещали ветки и кто-то что-то негромко сказал.

– Вы что? Не слышите?!

– Слышу, – согласился он хладнокровно, – ну и что?

Конечно, он понятия не имел, что Марина все еще надеется на свое «настоящее приключение»!

Она быстро присела, оказавшись в тени балконной решетки, и Федора потянула за собой.

– Что такое? – недовольно удивился он, но тоже шепотом, видно, подействовала Марины таинственность.

В кустах действительно разговаривали, но почти невозможно было расслышать – о чем. Ей показалось, что несколько раз повторилось «зачем» и «сейчас».

– Зачем мы прячемся? – на ухо ей сказал Федор Тучков. – Сейчас все равно ничего не видно!

Тоже слышал «зачем» и «сейчас»?

Цикады опять стрекотали вовсю, и поле за забором лежало – такое свободное, такое большое, такое летнее, как будто вздыхало после длинного и жаркого дня.

В кустах тревожно шептались.

– Зачем мы подслушиваем? – негромко спросил Федор. – Мы хотим услышать что-то особенное?

Марина дернула его за руку, чтобы замолчал.

На серебристую и голубую дорожку из кустов выбрался человек – темный силуэт. Выбрался и постоял, как будто прислушиваясь.

– Уезжай, – отчетливо сказал человек в сторону кустов, – только попробуй не уехать! Ты что, не видишь, что творится?!

Из кустов приглушенно ответили, разобрать было нельзя. Марина услышала только «все равно».

– Нет, не все равно! – прошипел черный силуэт. – Я не хочу, чтобы меня кто-нибудь... увидел с тобой! После того, что ты сделал!

Снова слабый треск веток, и все смолкло.

Тень еще постояла неподвижно, как будто прислушиваясь, потом посмотрела по сторонам и даже наверх, где прятались за балконной решеткой Марина и Федор, и быстро пошла по голубому асфальту налево, в сторону главного входа.

Неровный кусок желтого света лежал на траве и асфальте. Светился большой металлический ящик на ножке, сделанный «под старину». Тень вошла в желтый свет и оказалась... Вероникой, профессорской внучкой.

Внучка быстро пролетела свет, беспокойно оглянулась и пропала в темноте.

Марина поднялась с корточек и, перегнувшись через перила, посмотрела ей вслед.

Федор Тучков из засады потянул ее за джинсы.

Марина отшвырнула его руку.

– Вы что?! С ума сошли?!

– Зачем вы свешиваетесь?! А если из кустов за вами... наблюдают?!

– Кто? – прошипела Марина и посмотрела опасливо.

Кусты были сплошные и темные, как неровная живая стена. В их зеленой густоте днем шевелились и попискивали какие-то птицы, время от времени выпархивали, сильно треща крыльями, как будто в сильном испуге.

Сейчас невозможно было себе представить, что днем там деловито копошатся птицы.

Стояла тишь, только далеко, в деревне, размеренно и непрерывно лаяла собака, и музыка доносилась как будто не снаружи, а изнутри дома.

Впрочем, так оно, наверное, и было – танцы уже начались.

Федор Тучков, ее нечаянный компаньон, завозился рядом, достал сигареты и предложил Марине несколько перекошенную от лежания в кармане пачку. Марина посмотрела на пачку с отвращением.

– Нет, спасибо, – отказалась она, – я лучше свои.

После чего они глубокомысленно закурили.

– Что за тайны? – как будто про себя пробормотала Марина, надеясь, однако, что он услышит, – Юля с Сережей какими-то загадками говорили, и Вероника теперь тоже.

– Тоже, – согласился Федор Тучков и не добавил ни слова.

Марина некоторое время помолчала, а потом все же не выдержала:

– Как вы думаете, о чем это она... то есть Вероника... Ведь это была Вероника, да?

– Да, – подтвердил Федор. – Это была Вероника, совершенно точно.

– О чем она разговаривала? И с кем?

– Понятия не имею, – признался Федор безмятежно. – А как вы думаете, о чем?

– Как о чем?! – поразилась Марина. – О трупе, конечно. О том, в пруду.

– А есть еще какой-то?

– Что?

– Труп.

– Нет, – удивилась Марина. – больше нет. По крайней мере я ничего не слышала.

– А почему вы думаете, что о трупе? Про труп не было ни слова.

– Она сказала – «видишь, что творится» и еще «я не могу с тобой встречаться после того, что ты сделал»! О чем это, по-вашему?

– По-моему, это может быть о чем угодно.

Кретин. Самый натуральный.

– Тайно, в каких-то кустах, – продолжала Марина, – с кем она могла там встречаться?

Федор затянулся – оранжевый отблеск сигареты осветил его подбородок, растекся по вылезшей к вечеру светлой щетине.

– С поклонником? – предположил он.

– Ночью, в кустах, с поклонником?! Она что, мусульманская жена? И ее за измену могут закидать камнями на площади? Зачем ей встречаться с поклонником ночью в кустах?!

– Не знаю, – признался Федор Тучков.

– Она из Москвы, значит, и поклонник должен быть оттуда! Отсюда до Москвы на поезде сутки ехать. Вы думаете, что он специально к ней на свидание сутки ехал? Или он местный? Из деревни?

– Не знаю.

Марина сосредоточенно посмотрела на него:

– Нет. Поклонник тут ни при чем. Дело в чем-то другом.

– Может, кофе еще выпьем? Или чаю? У меня есть чай в номере. Я могу принести, – предложил Федор, решительно не желая втягиваться в «детективные» разговоры.

Марина посмотрела в темную массу зелени. Сидеть на балконе было неудобно, казалось, что оттуда на нее кто-то смотрит. Она еще разок с опаской глянула вниз и вернулась в комнату. Федор Тучков притаился за ней и даже дверь на балкон прикрыв.

Внизу, из темноты кустов, за дверью внимательно наблюдали. Как только колыхнулась белая занавеска, приглушая оранжевый электрический свет, ветки затрещали, разошлись, и с той стороны, где плотная зелень почти упиралась в забор, выбралась темная фигура. Сетка забора затряслась, как будто даже столбы завибрировали, потом последовал тяжелый прыжок – и все стихло, только трещали цикады.

Пока Федор ходил за чаем, Марина думала, не рассказать ли ему про ту самую деталь. Не то чтобы она вдруг уверилась в его дедуктивных способностях, но ей очень захотелось поделиться хоть с кем-нибудь.

Два часа назад ей не хотелось ни с кем делиться, а теперь вот захотелось – потому что Сережа с Юлей на дорожке говорили непонятно о чем и еще потому что Вероника пряталась в кустах и тоже говорила непонятно и странно, даже зловеще.

Или просто ей так уж захотелось получить свое «настоящее приключение»?

Вернулся Тучков, принес три разноцветные чайные коробки.

– Это черный цейлонский, это зеленый, а это фруктовый, – обстоятельно объяснил он, выставляя коробки одну за другой на стол, – вы какой предпочитаете?

– Мне все равно.

Тут он полез в карман, порывшись и конфузливо выложил рядом с разноцветной пирамидой здоровенный лимон.

– Лимончик, – тихо признался он и зарделся, – очень люблю с лимончиком!

Марина посмотрела на него с состраданием – грустно, когда мужчина такой кретин.

Наверное, бессмысленно с ним «делиться». А может, и нет. Может, как раз хорошо. Рассказать хочется, а он так глуп, что все равно ничего не поймет, будет только переспрашивать с наивным, заинтересованно глупым видом.

– Разрешите?

– Что?

– Разрешите мне ополоснуть чашки? После кофе.

Марина вздохнула:

– Разрешаю.

Он аккуратненько взял в каждую руку по чашке и пошел в ванную.

Раздумывая, Марина включила телевизор.

Боже мой! Матвей Евгешкин сидел в застенке – плохие люди, обозлившись на то, что он палил по ним из танка, заперли его в кутузку. С ним вместе в кутузке оказался его сподвижник по доброте. Вот сидели они там и писали «на волю» почти революционные воззвания, которые отказывалась публиковать местная коррумпированная газета.

Весь ужас заключался в том, что все это показывалось до невозможности «сурьезно», со слезой, с пафосом, без капли юмора или иронии.

Бедный Матвей Евгешкин! Как трудно ему живется на свете.

Марина переключилась на футбол – пятая отборочная группа, – а тут и Федор Тучков явился, осторожно поставил на стол чистые чашки.

Марина посмотрела на него. Он любовался чашками – каждая была выставлена точно на середину блюда, а справа помещалась блестящая ложечка. Федор Тучков подумал, подумал и в центр, между чашками, водрузил сахарницу. Получилась композиция «Вечернее чаепитие, или eleven o'clock tea».

Тут Марина решила, что вполне может позволить себе немного развлечься. – Вы знаете, – серьезно сказала она Федору, – у вас знаменитая фамилия.

– Почему?

– Генерал Тучков особо отличился при Бородине.

– Их было несколько, – хладнокровно согласился Федор. – Мой предок генерал-лейтенант Николай Алексеевич Тучков. Об остальных узнать не удалось, почти никаких документов не сохранилось. А Николай Алексеевич... прямой предок. По отцовской линии. Отличился на Старой Смоленской дороге. Штурмовал Утицкий курган. Со стороны кургана французы шли на Багратионовы флеши. Тучков командовал павловскими гренадерами. Они нанесли контрудар, а Белозерский и Вильманstrandский полки, вызванные для подкрепления, атаковали в обход правого фланга французов. Курган отбили, а Тучков погиб. Он сам участвовал в штурме, знаете ли.

Марина смотрела на него во все глаза. Он говорил так, как будто читал из путеводителя.

– А я, кстати, Тучков Четвертый.

– Что это значит?

– Да ничего особенного. Так, традиция. Прадед был Федор Николаевич Тучков Первый. Дед – Федор Федорович Тучков Второй. Отец – третий. Я четвертый.

– И все Федоры Федоровичи?

– Ну да.

– И все... генералы от инфантерии?

– Да.

Марина со стуком поставила чашку на блюдо.

– Что значит – да?!

– Да значит да. Генералы. Инфантерия тут ни при чем, конечно, но... генералы. Прадед командовал Павлоградским полком. Знаменитый полк, Лев Толстой писал об атаке павлоградцев, не помните? Вряд ли, конечно... Дед дошел до Кенигсберга. В сорок пятом году ему стукнуло тридцать шесть, и он уже был генералом. За всю войну ни одной царапины, вот как бывает!... Ордена никогда не надевает, стесняется.

– Он... жив?

– Жив и здоров, – с гордостью сказал Федор Тучков, – полон рассудка и самоиронии. Прочитал «Марсианские хроники» Рея Брэдбери и сказал, что Восточная Пруссия нам была нужна примерно как Марс, а там столько народу положили!

– И... ваш отец тоже генерал?

– Тоже генерал.

– А он... где воевал?

– Он летчик. Воевал в Корее, а потом во Вьетнаме. Геополитические интересы, знаете ли.

– Вы... тоже генерал?

– Нет, – ответил Федор Тучков Четвертый, – я как раз не генерал.

Он поболтал в чашке пакетик с чаем и мельком глянул на собеседницу. Глаза у нее горели от любопытства, как будто подсвечивались изнутри.

Черт, понесло его откровенничать, историю семьи излагать! Весь вечер так хорошо играл в дурака, и вдруг – бац – генерал от инфантерии! Теперь пристанет, не отвяжешься от нее!

Рыжая, и глаза зеленые – конечно, пристанет!

– А почему вы не генерал?

Ну вот, началось! Впрочем, сам виноват, нечего было...

– Не вышло из меня генерала, уважаемая Марина.

– Почему не вышло, уважаемый Федор?

Он помолчал.

Наверное, не вышло, потому что кретин, стремительно подумала Марина. Или он все-таки не кретин?

– Я пытался, – вдруг признался он, – и у меня ничего не вышло. Так бывает. В семье не без урода.

– Урод – это вы?

– Урод – это я.

– И ваша личная трагедия в том, что вы не оправдали надежд семьи, правильно? Это как раз тот кошмар, который снится вам в три часа ночи и от которого вы просыпаетесь в холодном поту?

Он встал и взялся за чайник.

Ей вдруг показалось, что она его рассердила. Так рассердила, что он молчит, потому что ему нужно время, чтобы справиться с собой.

Надо же, какие страсти! Прямо как у Матвея Евгешкина в кинокартине «Русская любовь».

Тут Федор Тучков Четвертый улыбнулся сладкой улыбкой, придерживая рукой крышку, добавил себе в чашку воды из чайника и вопросительно и любезно наклонился в сторону Марины, как бы спрашивая, не добавить ли и ей тоже.

– Нет, спасибо, – отказалась она, – послушайте, Федор, я хочу вам что-то рассказать.

Он тут же вернул чайник на место, сел и смиренно сложил руки, выражая полную готовность и внимание.

Марина посмотрела на него с отвращением.

– Я хочу вам рассказать... про утопленника.

– Что такое?

– Такого ничего, но... знаете, когда его доставали... Я же видела, я там была...

– Да-да?

Черный провал рта, из которого текла вода – много, из живого человека не может вытечь столько воды. Серая и зеленая кожа. Мертвые тусклые глаза.

Марина обеими руками обхватила чашку.

– Понимаете, он был в джинсах, утопленник. Когда его вытащили, джинсы... Они почти на нем не держались. Мужики даже поправляли, потому что они почти... спустились, упали.

– И что?

– А то, – сказала Марина, – я вот думаю, как же он в них ходил? Рукой придерживал, что ли?

Она мельком глянула на Федора. Вид у того был озадаченный.

– Мокрые штаны, как известно, стащить гораздо труднее, чем сухие, – продолжала Марина, сердясь, – но они и мокрые на нем не держались! Значит, из сухих он бы просто выскочил!

– Может, у него был ремень?

– Да в том-то и дело, что не было никакого ремня!

– Может, он его снял?

– Перед тем как утонуть по пьяной лавочке? Ремень снял, а ботинки оставил, да?

Тучков Четвертый смотрел с сомнением, и это сомнение Марину до крайности раздражало.

– Пьяный человек не может идти в штанах, которые не держатся. Он тогда запутается в них и упадет. Или они до берега не падали, а упали на берегу? Где тогда ремень?

– Хорошо, а если он до берега шел трезвый, а на берегу напился, упал и захлебнулся. Трезвый человек может идти в штанах, которые не держатся?

– Наверное, может, – согласилась Марина раздраженно, – но с чего это он, трезвый, пришел на берег и там в одиночестве напился до такой степени, что свалился в воду и утонул?

– Почему в одиночестве?

– Потому что мне так милиционер сказал!

– Что сказал милиционер?

– Что покойник пришел на берег – один пришел, обратите внимание! – уселся на мостки и свалился потому, что был очень пьяный. Никаких свидетелей нет, по крайней мере по версии милиции. Если бы он напился не в одиночестве, был бы свидетель. Если свидетель был, почему он не позвал на помощь, когда тот свалился? Не мог, потому что тоже напился, или не захотел? Если не захотел, значит, это... убийство.

– Что-о? – поразился Федор Тучков Четвертый.

Очевидно, знаменитое родство впрок не пошло – туповат был Тучков Четвертый в отличие от Тучкова, погибшего при Бородине.

– Из того, что с утопленника сползали штаны, вы делаете вывод, что это... убийство? – слабым голосом уточнил Тучков Четвертый Тупой.

– Да, – твердо сказала Марина.

– Смело, – оценил Тупой, – очень смело!

Зачем она ему рассказала? Впрочем, какая разница? Он не верит ни одному ее слову, ну и бог с ним! Она, Марина, изложив все это вслух, еще больше укрепилась в мысли, что права именно она, а не милиция.

Если она найдет ремень, станет ясно, что никаким несчастным случаем тут и не пахнет.

На берегу санаторного прудика произошло убийство.

Ночь была глухой и теплой и пахла травой, цветами, близким лесом. Луна висела над елками, прозрачная, как будто только родившаяся.

Марине всегда было тревожно, когда они обе – она сама и луна – находились поблизости друг от друга. Даже шторы всегда закрывала наглухо, чтобы луна не могла подглядеть, растревожить, привести с собой бессонницу, такую же голубую и жидкую, как ее собственный неровный и волнующий свет.

Марина перебежала газон и посмотрела вверх, на единственный освещенный балкон, ее собственный. Все остальные окна крыла «люкс» были темными – отдыхающие давно и сладко спали в своих санаторных постельках. Наверное, это было очень глупо – тащиться ночью на

пруд, да еще перелезать для этого через балконные перила, да еще висеть на вытянутых руках, а потом прыгать и прислушиваться – балкон был довольно высоко от земли, хоть и считался первым этажом, но любопытство и нетерпение замучили ее, кроме того, она уверена, что искать «вещественные доказательства» следует именно ночью. Днем ее непременно увидит убийца – она точно знала, что убийца существует! – увидит и будет потом охотиться за ней, как и положено по законам жанра.

Или все-таки не стоило ночью тащиться на пруд?

Далекая деревенская собака перестала лаять, видно, завалилась спать в свою будку, набитую свежим пахучим сеном, – до утра. Марина поежилась. Холодно не было. Было страшно.

По голубой и серебряной от стеклянного лунного света асфальтовой дорожке она дошла до сетки теннисного корта. За углом спасительный и яркий свет балкона и тусклый фонарь уже не будут видны.

Еще можно вернуться. Пока еще можно.

Марина оглянулась, постояла и решительно сбежала вниз. Корт был справа, блестящий мелкими камушками и похожий на каток.

Летом не бывает катков. Катки бывают зимой.

Федор Тучков сказал, что больше всего на свете любит праздник Новый год, придурок.

Она отошла уже довольно далеко от темной громады корпуса и не слышала, как кто-то следом за ней тяжело спрыгнул с балкона. Цикады на секунду замолкли, а потом затрещали с новой силой, как будто потревоженные тяжелым прыжком.

Человек дошел до сетки и остановился. Луна была яркой, а тени очень четкими, как будто заштрихованными углем. Маринина тень бежала далеко впереди, переломленная сеткой, похожая на гигантского скорпиона на длинных тоненьких ножках.

«Куда ее понесло? Что ей там нужно в... – взгляд на часы, – ...в два часа ночи?! Что она затевает? Или что-то знает? Если знает, то насколько... много?»

Человек еще постоял, поджидая, когда она исчезнет за поворотом, а потом двинулся следом.

Нужно посмотреть. Нельзя выпускать ситуацию из-под контроля, хотя вряд ли эта рыжая и длинная особа всерьез опасна. И все-таки нужно посмотреть.

Марине вдруг показалось, что в лунном свете у нее за спиной кто-то есть. Сердце похолодело, сжалось, словно заострилось, и стало острым краем молотить в ребра. Она остановилась, взялась рукой за шершавый и теплый ствол и быстро оглянулась.

Никого.

Ни окна, ни балкона, залитого ярким и теплым светом, отсюда, конечно, не было видно, но корт, похожий на каток, еще угадывался за деревьями, как будто успокаивал Марину – я рядом, а от меня уж и до дома рукой подать, ничего, не так уж и страшно!

Зачем и куда ее понесло?! Разве нельзя было дожждаться утра?! Там и фонарей никаких нет, как она станет искать свое «вещественное доказательство»?!

«Если искать, – строго сказала она себе, – значит, надо искать сейчас. Если это убийство, значит, есть убийца. Если я стану искать у него на глазах, он догадается о том, что я все знаю».

«Он слишком много знал», всегда говорит гангстер над трупом своего бывшего друга. Любой уважающий себя гангстер рано или поздно непременно убивает своего бывшего друга, потому что тот «слишком много знал»!

Впереди блеснул пруд, и потянуло запахом гнили и застоявшейся воды. Марина выскочила на холодный песок в черных кляксах пролезшей травы и огляделась.

Лес на той стороне был темным – сплошная непроглядная чернота, а над ней, чуть светлее, ночное небо. Почти на макушках деревьев сидела луна, до воды свесив призрачные голубые ноги. Лунные ноги полоскались в воде – посередине пруд морщило и рябило, заливало неверным светом. В тишине вода тихонько плескалась под старыми мостками.

Там Марина нашла утопленника. Наверное, ночь была такой же теплой и тихой, и луна так же полоскалась в пруду, а он уже лежал там, раскрыв мертвые глаза.

Марина стиснула кулачок, так что ногти впились в мякоть ладони: «Так нельзя. Если ты так боишься, лучше уходи».

И не двинулась с места.

В лесу вдруг что-то обвалилось, как будто треснула ветка или неловко пошевелился кто-то большой и тяжелый. Дыхание остановилось, кажется, навсегда. Марина вглядывалась в черноту, так, что в глазах зарябило.

Нужно возвращаться домой. Все равно она ничего не найдет. Если ремень валяется в траве, *она ни за что его не найдет*.

Вот только она была совершенно уверена, что валяется он вовсе не в траве.

Станным голосом крикнула какая-то ночная птица, и рябь по воде как будто побежала быстрее.

Марина вытащила из песка палку – не такую ужасную, как та, которой она подгоняла к себе свою шляпу из итальянской соломки, а обычную палку, мокрую, шершавую, пахнущую водорослями.

Какая разница, подумала она, взвешивая в руке палку, какая разница, день или ночь! Все равно то, что она ищет, нельзя увидеть просто так, с мостков. А тогда какая разница, день или ночь?

Разница была огромной.

Опираясь на палку, Марина осторожно ступила на мостки – под ними зачавкало и завздыhalo, – дошла до того самого места, где смотрел на нее из-под воды утопленник, и присела на корточки.

Вода была совершенно черной, а дорожка, в которой полоскалась луна, сюда не доставала. Марина потыкала палкой в воду и прислушалась. Под мостками что-то громко шлепнуло и опять затихло. Потянуло сырым и холодным ветром. Кожа покрылась мурашками, и волосы на шее встопорщились, то ли от ветра, то ли от страха.

Марина встала на колени, почти упершись в самый край мостков – коленка угрожающе запульсировала, – и решительно сунула палку в жидкую черноту. Дно было рядом, Марина знала, что здесь неглубоко. Палка вязла в водорослях. Марина время от времени выуживала ее и стряхивала водоросли в воду. Они шлепались обратно, капли гулко падали, и что-то опять затрещало в темном лесу, как будто надломилась ветка, и птица перестала кричать, и стало совсем тихо.

Палка зацепилась за что-то, и Марина больше не могла ее вытянуть. Она моментально решила, что это еще один труп там, на дне, и покрылась холодным потом.

Не может там быть еще одного трупа. Там же, в конце концов, не кладбище!

Палка легко двигалась вверх и вниз, а вбок и в сторону «не шла». Марина еще потыкала ею, а потом стала тащить ее вдоль замшелой сваи мостка, больше никак не вытянуть.

Нет, не получается!

По краю мостков Марина поползла сначала влево, а потом вправо, перекладывая из руки в руку свою палку. Мостки ахали и скрипели. Луна светила в лицо.

Человек из густой тени деревьев наблюдал за ней с интересом.

«Сейчас нырнет, – неожиданно для себя подумал он, – точно нырнет!»

Снова дунул ветер, Марина замерла, не успев опустить свою палку. Волосы разлетелись и как будто зашевелились на голове. Она быстро посмотрела налево, а потом направо.

Нет, ничего. Все тихо.

Марина снова поползла и снова стала тыкать палкой под самую сваю и снова тащить. Палка плюхала по воде.

Под водой что-то подалось, поехало вверх, цепляясь за занозы и сучки разбухшей в воде сваи, и на поверхности показалось нечто, похожее на мокрую змею, обвившуюся вокруг бревна. Змея тускло блестела мокрым блеском, и что-то латунное отсвечивало посередине.

Ремень. Узкий кожаный ремень с латунной пряжкой. Есть!

Марина выпустила палку, перехватила ремень рукой и потянула. Странное дело. Ремень не вытаскивался.

Марина морщилась, потому что ей стало страшно. Страшно оттого, что она так... правильно догадалась, и еще потому, что этот ремень принадлежал мертвому человеку, и с ним, с мертвым, лежал на дне, и латунная пряжка равнодушно посверкивала сквозь толщу воды, когда человек захлебывался, когда в легкие вместо желанного воздуха заливалась темная стоячая жижа!

Она не сразу поняла, что не может его вытащить, потому что он обмотан вокруг сваи. Обмотан и застегнут. Марина перегнулась через мостки и заглянула под них. Остро запахло рыбой – не всех пескарей перетаскал Федор Тучков на прокорм пыльной лобастой кошке!

Точно, застегнут. Вон и язычок виднеется в прямоугольном выступе пряжки, плотно зажатой разбухшей кожей ремня.

Так не расстегнуть, отсюда не дотянуться. По-кроличьи дергая носом от страха и отвращения, Марина легла на живот и стала расстегивать. Язычок никак не вылезал, и Марина вымокла почти по плечи, прежде чем ремень оказался у нее в руке. Она вытащила его из воды, уже почти поверив, что все обошлось, и было не так уж и страшно, и сейчас она побежит по голубой асфальтовой дорожке к своему балкону, где за белой шторой горит яркий желтый свет. Не слишком ловко, «кормой вперед», как говаривал отец, она повернулась, зажав в кулаке ремень, сдавленно ахнула и подалась назад.

На берегу, у самой кромки воды, кто-то стоял – черная тень.

«Это убийца. Он следил за мной, все время следил и сейчас убьет меня. Прямо сейчас».

Как всегда в минуту опасности или самого страшного страха, она вдруг стала очень медленно думать – как будто в голове остановилось время.

Вперед нельзя. Там черная тень, приготовившаяся ее убить.

Можно только в воду, в черную воду вонючего заросшего прудика, где два дня назад она нашла покойника.

Если плыть быстро, она сумеет выбраться на той стороне раньше, чем там окажется убийца. Ночь, бурелом, ямы, болото. Если плыть быстро, может, она сумеет спастись.

Конечно, сумеет. Она умеет бороться.

Она шарахнулась назад, ощупывая свободной рукой заскорузлые доски, в другой стискивала мокрый ремень, не отпускала.

Надо плюхнуться так, чтобы с ходу не наглотаться воды.

Черной вонючей воды, которая наполнит легкие, а им нужен воздух. Только воздух.

– Марина! – закричала тень голосом Федора Тучкова Четвертого. – Смотрите не упадите, там гнилые доски!

Марина замерла на самом краю. Он кричал приветливо и громко, и все ночные звуки, к которым Марина так напряженно прислушивалась, мгновенно смолкли, даже цикады как будто замерли в изумлении.

– Марина?

– Что вы тут делаете? – Голос у нее был тонким, как у мыши, и она откашлялась и оглянулась на черную воду с серебряной дорожкой, лежавшую за спиной.

– Стою, – признался Тучков Четвертый. – А что вы там делаете?

– Как вы здесь оказались?!

– Я... пришел. За вами.

– Зачем вы пришли за мной?!

– Может, вы вылезете оттуда? – предложил Федор, подумав. – Мы очень громко кричим, а все-таки ночь.

– Как вы здесь оказались?!

Он помолчал.

– Я вышел покурить и увидел, как вы прыгаете с балкона. Ну, я и... Я и решил, что вам может понадобиться моя помощь.

– Мне не нужна никакая помощь! – крикнула Марина. – Уходите!

Он опять помолчал.

– Марина!

– Что?

– Вы лунатик?

– Что?!

– Я спрашиваю, вы лунатик?

Дело принимало странный оборот. Если он собирается убить ее, как убил того, первого, то почему не убивает?! Почему стоит там, не делая ни одного движения, и спрашивает у нее какие-то глупости про лунатиков? Или он... выманивает ее? Хочет, чтобы она расслабилась и потеряла бдительность?

– Уходите! – снова крикнула она, чувствуя, как по спине словно ползет что-то длинное и холодное, похожее на мокрый ремень, который она сжимала в кулаке.

– Хорошо-хорошо, – торопливо согласился он, – конечно.

Повернулся и пошел в сторону сетки теннисного корта. Марина, не отрываясь, смотрела, как двигается по песку черная отчетливая тень.

Сейчас уйдет.

Уйдет, и ей станет еще страшнее. Как она доберется до дома, зная, что он может подстергать за каждым кустом?

– Подождите! – нервничая все сильнее, крикнула Марина и осторожно пошла по скрипучим мосткам. Тень приостановилась.

Марина шагнула на песок. Мокрый язык ремня волочился следом.

– Вы... все время были здесь?

– Что значит – все время?

– Все время, пока я вытаскивала... это?

Она подняла ремень и потрясла им. Лица Федора Тучкова не было видно. Только невиданной красоты штаны светились как будто сами по себе.

– А что это такое?

– Ремень! – в нетерпении выкрикнула Марина. – Вы что, совсем тупой?! Я вытащила ремень! Помните, я вам говорила, что джинсы на... на покойнике почти не держались?

– Вы пошли ночью на пруд искать ремень от штанов покойника? – уточнил Федор и протянул задумчиво: – Поня-ятно.

– Да ничего вам не понятно! Я не могла пойти днем. Потому что днем убийца мог меня тут обнаружить!

– Ну ночью-то вас обнаружить, ясное дело, никто не смог бы, – согласился Федор. Как-то так непонятно согласился, что Марина опять заподозрила у него наличие чувства юмора. – Для верности вам нужно было надеть камуфляж, каску и со всех сторон понатыкать веток.

– Зачем вы за мной потащились?!

– Затем, что я подозревал что-то в этом духе.

– Что значит... подозревали?

– Я был уверен, что вы отправитесь на этот самый пруд. И меня это беспокоило.

– Почему, черт возьми, вы были уверены?!

– Потому что глаза у вас горели, как у кошки, когда вы мне излагали, что на трупе не было ремня!

– А почему, черт возьми, вас это беспокоило?!

– Потому, черт возьми, что все это может оказаться гораздо серьезнее, чем вы думаете, – вдруг холодно сказал он, – гораздо серьезнее, знаете ли!

В этом холодном, и очень мужском, и очень высокомерном тоне вдруг послышался Микки Рурк, и еще немного Ричард Гир, и отчасти даже Николас Кейдж или как там его...

И тут Марина неожиданно успокоилась.

– А я его все-таки нашла, – сказала она и с гордостью потрясла ремнем, – представляете?

– Почти нет, – признался Федор Тучков, – почти не представляю. Может быть, мы все-таки пойдем отсюда? Скоро рассветет.

– Еще не скоро.

– Скоро.

– Не скоро.

Марина чуть-чуть приблизилась к нему, а потом быстро пошла в сторону теннисного корта, обходя Тучкова Четвертого по дуге. Федор двинулся следом.

– А почему вы лежали на животе?

– Потому что ремень был застегнут. Вокруг сваи. Я его расстегивала.

– Застегнут? – переспросил Федор. – Совсем плохо дело.

– Почему?

– Ну, – неторопливо начал он у нее за спиной, – не думаете же вы, что покойник сам его так застегнул!

Марина взглянула на него через плечо. Лица по-прежнему не видно.

– Я вообще не понимаю, зачем его застегнули, – призналась она, – да еще... на свае. Зачем?

– Если покойник... не сам утонул, – буркнул Федор, – тогда понятно зачем.

– И зачем?

– Чтобы он не всплыл, конечно, – с досадой сказал он. – Его пристегнули к свае его собственным ремнем, чтобы он не мог всплыть. Яснее ясного.

– Господи, – пробормотала Марина. Узкий кусок кожи в руке вдруг стал тяжелым, как будто она тащила не ремень, а гильотину.

Они шли уже вдоль сетки. Сейчас чуть-чуть вверх, потом за угол, и станет виден ее открытый балкон с белой шторой, залитый изнутри ярким и безопасным светом.

– Наверное, я должна пойти с этим в милицию.

– Наверное, будет лучше, если вы немедленно об этом забудете, а ремень завтра выбросите обратно в пруд. Хотите, я могу выбросить.

– Как?!

– Так. Все равно... покойнику вы уже ничем не поможете, зато наживете себе проблем.

– Позвольте, – пробормотала до глубины души возмущенная Марина и даже приостановилась. Федор сразу оказался впереди, засверкали его необыкновенные штаны. – Позвольте, но ведь это же убийство! И это я – я! – поняла, что его... пристукнули! То есть не пристукнули, а утопили! Кроме меня, никто не догадался!

– Да и вам хорошо бы не догадываться!

– Да почему?!

Тут он остановился и повернулся к ней лицом, так что она почти уткнулась в него носом. Странное дело. От него легко и хорошо пахло, как будто непосредственно перед рейдом на прудик он принял душ и побрился. Марина принялась.

Интеллигентный французский одекolon как-то не вязался с пестроцветными спортивными штанами.

Ох, врет кто-то из них – то ли запах, то ли штаны!

– Мариночка, – проникновенно начал Федор Тучков, и Марина чуть-чуть отодвинулась, – то, что вы нашли ремень, ничего не значит. Ну, ремень и ремень. Того, что он был пристегнут к свае, никто не видел. Да и потом!

– Что потом?

– В милицеемском протоколе написано «несчастный случай». Никто не напишет там по собственной воле «преднамеренное убийство». Ни один милиционер, знаете ли.

– Да мало ли что там написано! Это же убийство, и его надо расследовать!

– Ну, расследуйте, – хмуро согласился Тучков Четвертый.

Он ничего не знал о «приключении», которое она мечтала заполучить хоть один раз в жизни, – чтобы снегом занесло отель, как в пьесе Джона Б. Пристли, чтобы под подушкой у старшей горничной загорелый полицейский капитан нашел пузырек с надписью «мышьяк», купленный в деревенской аптеке, чтобы священник подслушал странный разговор, да и сам он, кажется, затевает что-то зловещее, недаром из-под его воротничка выглядывает нечто, подозрительно похожее на татуировку с головой змеи...

Тут в самой гуще ее детективных мыслей нестати оказался Федор Тучков.

– Э... э... вы знаете, кем он был?

– Кто?

– Ваш утопленник.

– Во-первых, никакой он не мой, а во-вторых, не знаю. А что? Это имеет значение?

– Для расследования, которое вы собираетесь проводить, конечно, имеет.

– Я не собираюсь проводить никакого расследования! – несколько непоследовательно вспыхнула Марина. – Господи, зачем вы за мной потащились!

На это он ничего не ответил, и до темной громады корпуса с одним-единственным освещенным окном – Марининым – они дошли в полном молчании. На газоне, казавшемся черным, лежал косой четырехугольник света. Федор зашел в этот четырехугольник и неожиданно попросил вежливо:

– Разрешите посмотреть. – И потянул у нее ремень.

Смотрел он недолго. Повертел так и сяк, колупнул пряжку и зачем-то подергал.

– Ну что? – с любопытством спросила Марина.

– Вы думаете, что именно этот ремень был у него в джинсах?

– А какой же еще?!

– Не похоже, – заключил Федор, – совсем не похоже.

– Почему?!

Федор приложил палец к губам:

– Тише! Что вы кричите?

– Я не кричу! – шепотом сказала Марина и оглянулась по сторонам. Санаторий спал, и здесь, под собственным балконом, казалось, что вокруг очень светло и отчасти даже романтично.

Пожалуй, вполне сойдет за «приключение».

– Так почему не похоже?

– Потому что это брючный ремень, а не джинсовый.

– Фью-ю, – насмешливо присвистнула Марина, – какие тонкости!

– Да не тонкости! – возразил Тучков Четвертый с досадой. – Смотрите. Видите?

И сунул вышеупомянутый брючный ремень ей под нос.

– Вижу. Ремень.

– Он узкий.

– Ну и что?

Федор Тучков вздохнул выразительно. Она сама только и делала весь вечер, что так вздыхала. Она вздыхала о том, что Федор Тучков очень тупой. Теперь Федор вздыхал о том, что она, Марина, тоже оказалась тупой.

– Такие узкие ремни не носят в джинсах. Вы что? Не понимаете? Джинсовый ремень должен быть по крайней мере вдвое шире.

– А может, он был не такой... модник, как вы, и ему было наплевать на ремень?

Тут ей показалось, что Федор обиделся. Наверное, слово «модник» его задело. Ну и что? Одни его светящиеся штаны чего стоят, не говоря уж о сказочной гавайской рубаше!

– Может быть, ему и было наплевать, – изрек наконец Тучков Четвертый, – но это просто очень неудобно – такой узкий ремень в джинсах!

– Вам видней, – согласилась ничуть не убежденная Марина. – Я просто не понимаю, какое это имеет значение – узкий ремень, широкий ремень! Самое главное, что этим ремнем его... он...

Снова толща черной воды, заросшая бурой и как будто грязной травой, распахнутые мертвые мутные глаза и черный провал рта, из которого лилось на песок...

Марина вдруг взялась за горло. Горло было горячим и неприятно хрупким, а рука холодной, как лягушачья лапа.

– Что такое? – подозрительно спросил Федор Тучков шепотом. – Вам что, плохо?

– Мне не плохо, – пробормотала Марина, – мне хорошо.

Он озабоченно посмотрел ей в лицо.

– Давайте-ка я вас подсажу, – предложил он любезно, как будто распахивал перед ней дверь «Линкольна», – а ремень заберу. Давайте?

– Куда... подсадите? – не поняла Марина и отпустила горло.

– Как куда? На ваш балкон, разумеется.

– Не надо! – возмутилась она. – Я сама прекрасно залезу!

И она немедленно полезла, желая продемонстрировать ловкость, и застряла, и пузом повисла на перильцах, и стала дрыгать ногами, чтобы наконец перевалиться внутрь, и Федор Тучков приблизился и перекинул ее ноги.

Вот позор. Позор и стыдоба колхозная, как говорил отец.

– Все в порядке? – вежливо спросил снизу Тучков Четвертый.

– Да, да! – с досадой ответила Марина. Щеки ее горели. – Бросайте ремень!

– Может, я заберу его? Что он у вас будет лежать!

– А у вас?

На это Федор ничего не ответил.

– Давайте, – поторопила его Марина, – бросайте!

Ремень перелетел через перильца и шлепнулся у нее за спиной.

– Спокойной ночи, – приглушенно проговорил снизу Тучков Четвертый, – на всякий случай закройте балкон.

– Непременно, – сладким голосом пообещала Марина. Ей хотелось посмотреть, как он полезет к себе – вряд ли перемахнет перила, а-ля удалой полицейский капитан в выцветших и потертых джинсах! – и тогда она со спокойной душой отправится спать и не будет остаток ночи думать о том, как застряла животом на перилах и торчала задом вверх, болтая ногами.

Подсмотреть не удалось. Он не уходил, ждал, когда она закроет балкон, – из вежливости. Она закрыла и не сразу погасила свет – пусть он не думает, что она подглядывает! – а когда все же приподняла краешек белой шторы, Федора Тучкова на газоне не было. Исчез. Ушел.

Марина проверила двери – входную и балконную. Все заперто. Как-то в одну секунду ей вдруг стало очень холодно, так холодно, что ледяные пальцы как будто окостенели и плохо слушались.

Кое-как она нацепила байковую пижаму – пижам было две, байковая и шелковая, на выбор, – и забралась на громадную и пышную купеческую кровать и накрылась с головой. Зубы стучали, и пальцы, вцепившиеся в перину, никак не разжимались.

Да. Она явно переоценила свои силы. Не стоило идти ночью на пруд, и шарить в нем палкой, и вздрагивать от каждого звука, и всматриваться в темноту леса, а потом обнаружить у себя за спиной черную тень!

Зачем он пошел за ней? Что *на самом деле* ему нужно?

Прямо над Мариной, дрожавшей мелкой дрожью в своей купеческой постели, Вероника задумчиво смотрела в окно, на лужайку, тускло освещенную громадным старомодным фонарем, похожим на ящик.

Вероника слышала, как разговаривали Федор Федорович Тучков и Марина, как она потом лезла через балкон, а он ждал, как потом он бросил ей что-то, а она подобрала.

Что все это может значить? Что они задумали? Куда ходили? Следили за ней? Если да, то как они могли... догадаться?! Да еще так быстро? И что ей делать, если они на самом деле догадались?!

Но... как?! Как?!

Она соблюдала предельную осторожность. Он тоже был осторожен, и если бы не сегодняшний... разговор, никто и никогда ни о чем бы не догадался!

За толстой стенкой старого здания бодро похрапывал дед. Вероника отошла от окна, дошла до кресла и повернула обратно.

Ей нужно хорошенько все обдумать.

Обдумать и принять меры.

Марина проснулась, когда серый свет очень раннего утра пробрался к ней в комнату. Проснулась мгновенно – распахнула глаза, уставилась в потолок, и больше закрыть их не смогла. Они просто не закрывались.

Марина смотрела в потолок – довольно долго, а потом скосила глаза на будильник. Черные старомодные стрелки выглядели как-то странно на белом циферблате, и она не сразу поняла, что ничего не странно – просто еще очень рано, она никогда не просыпалась так рано.

Больше ей не заснуть, она знала это совершенно точно.

Потолок был белый и очень высокий, с немудрящей, но тяжеловесной лепниной. Санаторий строили в пятидесятые годы. Стиль сталинский ампи́р – колонны, ореховые двери, светлый паркет, просторные холлы, узкие коридоры, вот лепнина на потолке.

Марина вытащила из-под одеяла руку и почесала нос.

Ну что теперь? Бассейн? Зарядка? Медитация на балконе?

Пожалуй, медитация была бы лучше всего, но – вот беда! – не умела она медитировать. Вернется в Москву, вступит в какой-нибудь элитный клуб, где этому учат.

...Какой, черт побери, элитный клуб? Откуда у зачуханного профессора математики возьмутся деньги на клуб, где учат медитировать? И зачем ей учиться? Отпуск у нее случается раз в пять лет, а в промежутках между отпусками она чудесно медитирует и без всякой специальной науки – в холодной преподавательской, в триста шестой аудитории, где в узком солнечном луче танцуют пылинки, дома за стареньким компьютером, в своей длинной комнатке с окошком в торце – а за окошком старый тополь, в троллейбусе, уткнувшись носом в побитую молью дерматиновую спину утренней бабульки-путешественницы, невесть зачем и куда потащившейся в общественном транспорте – и все сплошная медитация, такая и эдакая и еще разедакая!..

За будильником на кресле лежало что-то темное и длинное – непонятное.

Ах, да, вспомнила она довольно равнодушно. Вчерашний ремень.

Федор Федорович Тучков Четвертый был совершенно прав, когда сказал, что его обмо-тали вокруг сваи затем, чтобы не дать утопленнику всплыть. Выходит, он всплыл потому, что как-то сам отцепился? Или его кто-то специально отцепил?

Сначала, выходит, привязал, а потом, выходит, отцепил? Чушь какая-то. И за что его привязали? За руки? За ноги? А что, если он пришел в себя под водой и стал дергаться и вырываться, а кожаный узкий ремень крепко держал его, а сил оставалось все меньше, и рот вместо воздуха хватал воду – только темную тухлую воду?

Марина стремительно села на купеческой пышнотелой кровати, зашарила рукой по столику – что-то свалилось на пол, она даже не посмотрела, что именно, – нащупала пульт, нажала кнопку и сразу же прибавила громкость. Такие штуки всегда ей помогали. Телевизор послушно возликовал утренним эфирным ликованием, ведущая заулыбалась в камеру бриллиантовой улыбкой, и пошла картинка то ли про розы, то ли про капусту – в общем, что-то жизнеутверждающее и на редкость утреннее.

Ее собственное долгожданное «приключение», да. Хорошо бы все-таки труп не был таким «всамделишным», да еще привязанным к свае. От этой мысли Марину немедленно начало тошнить. Как же она «расследует убийство», если ее тошнит?! И мама что скажет? Мама, которая всегда утверждала, что самое главное в жизни – это «держаться с достоинством и ни во что не вмешиваться, особенно в то, что тебя не касается»!

Утро прошло скверно: в компании с розами – возможно, капустой, – бриллиантовой ведущей и собственными серыми мыслями.

Было около восьми, когда Марина, вялая, как давешняя капуста, сваренная для голубцов, потащилась завтракать. Она не любила завтракать так рано – тогда до обеда с голоду помрешь – и, выйдя на солнышко, воспрянула духом и решила «обойти кружочек».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.